

Владимир Богомолов «Иван»

В ту ночь я собирался перед рассветом проверить боевое охранение и, приказав разбудить меня в четыре ноль-ноль, в девятом часу улегся спать.

Меня разбудили раньше: стрелки на светящемся циферблате показывали без пяти час.

- Товарищ старший лейтенант... а товарищ старший лейтенант... разрешите обратиться... - Меня с силой трясли за плечо. При свете трофейной плошки, мерцавшей на столе, я разглядел ефрейтора Васильева из взвода, находившегося

в боевом охранении. - Тут задержали одного... Младший лейтенант приказал доставить к вам...

- Зажгите лампу! - скомандовал я, мысленно выругавшись: могли бы разобраться и без меня.

Васильев зажег сплюсненную сверху гильзу и, повернувшись ко мне, доложил:

- Ползал в воде возле берега. Зачем - не говорит, требует доставить в штаб. На вопросы не отвечает: говорить, мол, буду только с командиром. Вроде ослаб, а может, прикидывается. Младший лейтенант приказал...

Я, привстав, выпростал ноги из-под одеяла и, протирая глаза, уселся на нарах. Васильев, ражий детина, стоял передо мной, роняя капли воды с темной, намокшей плащ-палатки.

Гильза разгорелась, осветив просторную землянку, - у самых дверей я увидел худенького мальчишку лет одиннадцати, всего посиневшего от холода и дрожавшего; на нем были мокрые, прилипшие к телу рубашка и штаны; маленькие босые ноги по щиколотку были в грязи; при виде его дрожь пробрала меня.

- Иди стань к печке! - велел я ему. - Кто ты такой? Он подошел, рассматривая меня настороженно-сосредоточенным взглядом больших, необычно

широко расставленных глаз. Лицо у него было скуластое; темновато-серое от въевшейся в кожу грязи. Мокрые неопределенного цвета волосы висели клочьями.

В его взгляде, в выражении измученного, с плотно сжатыми, посиневшими губами лица чувствовалось какое-то внутреннее напряжение и, как мне показалось, недоверие и неприязнь.

- Кто ты такой? - повторил я.

- Пусть он выйдет, - клацая зубами, слабым голосом сказал мальчишка, указывая взглядом на Васильева.

- Подложите дров и ожидайте наверху! - приказал я Васильеву.

Шумно вздохнув, он, не торопясь, чтобы затянуть пребывание в теплой землянке, поправил головешки, набил печку короткими поленьями и так же не торопясь вышел. Я тем временем натянул сапоги и выжидающе посмотрел на

мальчишку.

- Ну, что же молчишь? Откуда ты?

- Я Бондарев, - произнес он тихо с такой интонацией, будто эта фамилия могла мне что-нибудь сказать или же вообще все объясняла. - Сейчас же сообщите в штаб пятьдесят первому, что я нахожусь здесь.

- Ишь ты! - Я не мог сдержать улыбки. - Ну а дальше?

- Дальше вас не касается. Они сделают сами.

- Кто это «они»? В какой штаб сообщить и кто такой пятьдесят первый?

- В штаб армии.

- А кто это пятьдесят первый? Он молчал.

- Штаб какой армии тебе нужен?

- Полевая почта вз-че сорок девять пятьсот пятьдесят...

Он без ошибки назвал номер полевой почты штаба нашей армии. Перестав улыбаться, я смотрел на него удивленно и старался все осмыслить.

Грязная рубашонка до бедер и узкие короткие порты на нем были старенькие, холщовые, как я определил, деревенского пошива и чуть ли не домотканые; говорил же он правильно, заметно акая, как говорят в основном москвичи и белорусы; судя поговору, он был уроженцем города.

Он стоял передо мной, поглядывая исподлобья настороженно и отчужденно, тихо шмыгая носом, и весь дрожал.

- Сними с себя все и разотрись. Живо! - приказал я, протягивая ему вафельное не первой свежести полотенце.

Он стянул рубашку, обнажив худенькое, с проступающими ребрами тельце, темное от грязи, и нерешительно посмотрел на полотенце.

- Бери, бери! Оно грязное.

Он принялся растирать грудь, спину, руки.

- И штаны снимай! - скомандовал я. - Ты что, стесняешься?

Он так же молча, повозившись с набухшим узлом, не без труда развязал тесьму, заменявшую ему ремень, и скинул портки. Он был совсем еще ребенок, узкоплечий, с тонкими ногами и руками, на вид не более десяти-одиннадцати лет, хотя по лицу, угрюмому, не по-детски сосредоточенному, с морщинками на выпуклом лбу, ему можно было дать, пожалуй, и все тринадцать. Ухватив рубашку и портки, он отбросил их в угол к дверям.

- А сушить кто будет - дядя? - поинтересовался я.

- Мне все привезут.

- Вот как! - усомнился я. - А где же твоя одежда?

Он промолчал. Я собрался было еще спросить, где его документы, но вовремя сообразил, что он слишком мал, чтобы иметь их.

Я достал из-под нар старый ватник ординарца, находившегося в медсанбате. Мальчишка стоял возле печки спиной ко мне - меж торчавшими острыми лопатками чернела большая, величиной с пятиалтынный, родинка.

Повыше, над правой лопаткой, багровым рубцом выделялся шрам, как я определил, от пулевого ранения.

- Что это у тебя?

Он взглянул на меня через плечо, но ничего не сказал.

- Я тебя спрашиваю, что это у тебя на спине? - повысив голос, спросил я, протягивая ему ватник.

- Это вас не касается. И не смейте кричать! - ответил он с неприязнью, зверовато сверкнув зелеными, как у кошки, глазами, однако ватник взял. - Ваше дело доложить, что я здесь. Остальное вас не касается.

- Ты меня не учи! - раздражаясь, прикрикнул я на него. - Ты не соображаешь, где находишься и как себя вести. Твоя фамилия мне ничего не говорит. Пока ты не объяснишь, кто ты, и откуда, и зачем попал к реке, я и пальцем не пошевелю.

- Вы будете отвечать! - с явной угрозой заявил он.

- Ты меня не пугай - ты еще мал! Играть со мной в молчанку тебе не удастся! Говори толком: откуда ты?

Он закутался в доходивший ему почти до щиколоток ватник и молчал, отвернув лицо в сторону.

- Ты просидишь здесь сутки, трое, пятеро, но, пока не скажешь, кто ты и откуда, я никуда о тебе сообщать не буду! - объявил я решительно.

Взглянув на меня холодно и отчужденно, он отвернулся и молчал.

- Ты будешь говорить?

- Вы должны сейчас же доложить в штаб пятьдесят первому, что я нахожусь здесь, - упрямо повторил он.

- Я тебе ничего не должен, - сказал я раздраженно. - И пока ты не объяснишь, кто ты и откуда, я ничего делать не буду. Заруби это себе на носу!.. Кто это пятьдесят первый?

Он молчал, сбычась, сосредоточенно.

- Откуда ты?.. - с трудом сдерживаясь, спросил я. - Говори же, если хочешь, чтобы я о тебе доложил!

После продолжительной паузы - напряженного раздумья - он выдавил сквозь зубы:

- С того берега.

- С того берега? - Я не поверил. - А как же попал сюда? Чем ты можешь доказать, что ты с того берега?

- Я не буду доказывать. Я больше ничего не скажу. Вы не смеете меня допрашивать - вы будете отвечать! И по телефону ничего не говорите. О том, что я с того берега, знает только пятьдесят первый. Вы должны сейчас же сообщить ему: Бондарев у меня. И все! За мной приедут! - убежденно выкрикнул он.

- Может, ты все-таки объяснишь, кто ты такой, что *за тобой будут приезжать?

Он молчал.

Я некоторое время разглядывал его и размышлял. Его фамилия мне ровно ничего не говорила, но, быть может, в штабе армии о нем знали? - за войну я привык ничему не удивляться.

Вид у него был жалкий, измученный, однако держался он независимо, говорил же со мной уверенно и даже властно: он не просил, а требовал. Угрюмый, не по-детски сосредоточенный и настороженный, он производил весьма странное впечатление; его утверждение, будто он с того берега, казалось мне явной ложью.

Понятно, я не собирался сообщать о нем непосредственно в штаб армии, но доложить в полк было моей обязанностью. Я подумал, что они заберут его к себе и сами уяснят, что к чему; а я еще сосну часика два и отправлюсь проверять охранение.

Я покрутил ручку телефона и, взяв трубку, вызвал штаб полка.

- Третий слушает. - Я услышал голос начальника штаба капитана Маслова.

- Товарищ капитан, восьмой докладывает! У меня здесь Бондарев.

Бон-да-рев! Он требует, чтобы о нем было доложено «Волге»...

- Бондарев?.. - переспросил Маслов удивленно. - Какой Бондарев? Майор из оперативного,веряющий, что ли? Откуда он к тебе свалился? - засыпал вопросами Маслов, как я почувствовал, обеспокоенный.

- Да нет, какой тамверяющий! Я сам не знаю, кто он: он не говорит. Требует, чтобы я доложил в «Волгу» пятьдесят первому, что он находится у меня.

- А кто это пятьдесят первый?

- Я думал, вы знаете.

- Мы не имеем позывных «Волги». Только дивизионные. А кто он по должности, Бондарев, в каком звании?

- Звания у него нет, - невольно улыбаясь, сказал я. - Это мальчик... понимаете, мальчик лет двенадцати...

- Ты что, смеешься?.. Ты над кем развлекаешься?! - заорал в трубку Маслов. - Цирк устраивать?! Я тебе покажу мальчика! Я майору доложу! Ты что, выпил или делать тебе нечего? Я тебе...

- Товарищ капитан! - закричал я, ошарашенный таким оборотом дела. - Товарищ капитан, честное слово, это мальчик! Я думал, вы о нем знаете...

- Не знаю и знать не желаю! - кричал Маслов запальчиво. - И ты ко мне с пустяками не лезь! Я тебе не мальчишка! У меня от работы уши пухнут, а ты...

- Так я думал...

- А ты не думай!

- Слушаюсь!.. Товарищ капитан, но что же с ним делать, с мальчишкой?

- Что делать?.. А как он к тебе попал?

- Задержан на берегу охранением.

- А на берег как он попал?

- Как я понял... - Я на мгновение замялся. - Говорит, что с той стороны.

- «Говорит», - передразнил Маслов. - На ковче-самолете? Он тебе плетет, а ты и развесил уши. Приставь к нему часового! - приказал он. - И если не можешь сам разобраться, передай Зотову. Это их функции - пусть занимается...

- Вы ему скажите: если он будет орать и не доложит сейчас же пятьдесят первому, - вдруг решительно и громко произнес мальчик, - он будет отвечать!..

Но Маслов уже положил трубку. И я бросил свою к аппарату, раздосадованный на мальчишку и еще больше на Маслова.

Дело в том, что я лишь временно исполнял обязанности командира батальона, и все знали, что я «временный». К тому же мне был всего двадцать один год, и, естественно, ко мне относились иначе, чем к другим комбатам. Если командир полка и его заместители старались ничем это не выказывать, то Маслов - кстати, самый молодой из моих полковых начальников - не скрывал, что считает меня мальчишкой, и обращался со мной соответственно, хотя я воевал с первых месяцев войны, имел ранения и награды.

Разговаривать таким тоном с командиром первого или третьего батальона Маслов, понятно, не осмелился бы. А со мной... Не выслушав и не разобравшись толком, раскричаться... Я был уверен, что Маслов не прав. Тем не менее мальчишке я сказал не без злорадства:

- Ты просил, чтобы я доложил о тебе, - я доложил! Приказано посадить тебя в землянку, - приврал я, - и приставить охрану. Доволен?

- Я сказал вам доложить в штаб армии пятьдесят первому, а вы куда звонили?

- Ты «сказал»!.. Я не могу сам обращаться в штаб армии.

- Давайте я позвоню. - Мгновенно выпростав руку из-под ватника, он ухватил телефонную трубку.

- Не смей!.. Кому ты будешь звонить? Кого ты знаешь в штабе армии?

Он помолчал, не выпуская, однако, трубку из руки, и вымолвил угрюмо:

- Подполковника Грязнова.

Подполковник Грязное был начальником разведотдела армии; я знал его не только понаслышке, но и лично.

- Откуда ты его знаешь?

Молчание.

- Кого ты еще знаешь в штабе армии?

Опять молчание, быстрый взгляд исподлобья - и сквозь зубы:

- Капитана Холина.

Холин - офицер разведывательного отдела штабарма - также был мне известен.

- Откуда ты их знаешь?

- Сейчас же сообщите Грязнову, что я здесь, - не ответив, потребовал мальчишка, - или я сам позвоню!

Отобрав у него трубку, я размышлял еще с полминуты, решившись, крутанул ручку, и меня снова соединили с Масловым.

- Восьмой беспокоит. Товарищ капитан, прошу меня выслушать, - твердо заявил я, стараясь подавить волнение. - Я опять по поводу Бондарева. Он знает подполковника Грязнова и капитана Холина.

- Откуда он их знает? - спросил Маслов устало.

- Он не говорит. Я считаю нужным доложить о нем подполковнику Грязнову.

- Если считаешь, что нужно, докладывай, - с каким-то безразличием сказал Маслов. - Ты вообще считаешь возможным лезть к начальству со всякой ерундой. Лично я не вижу оснований беспокоить командование, тем более ночью.

Несолидно!

- Так разрешите мне позвонить?

- Я тебе ничего не разрешаю, и ты меня не впутывай... А впрочем, можешь позвонить Дунаеву. Я с ним только что разговаривал, он не спит.

Я соединился с майором Дунаевым, начальником разведки дивизии, и сообщил, что у меня находится Бондарев и что он требует, чтобы о нем было немедленно доложено подполковнику Грязнову...

- Ясно, - прервал меня Дунаев. - Ожидайте. Я доложу.

Минуты через две резко и требовательно зазуммерил телефон.

- Восьмой? Говорите с «Волгой», - сказал телефонист.

- Гальцев?.. Здорово, Гальцев! - Я узнал низкий, грубоватый голос подполковника Грязнова; я не мог его не узнать: Грязное до лета был начальником разведки нашей дивизии, я же в то время был офицером связи и сталкивался с ним постоянно. - Бондарев у тебя?

- Здесь, товарищ подполковник!

- Молодец! - Я не понял сразу, к кому относилась эта похвала: ко мне или к мальчишке. - Слушай внимательно! Выгони всех из землянки, чтобы его не видели и не приставали. Никаких расспросов и о нем - никаких разговоров!

Вник?.. От меня передай ему привет. Холин выезжает за ним, думаю, часа через три будет у тебя. А пока создай все условия! Обращайся поделикатней, учти: он парень с норовом. Прежде всего дай ему бумаги и чернила или карандаш. Что он напишет - в пакет и сейчас же с надежным человеком отправь в штаб полка.

Я дам команду, они немедля доставят мне. Создашь ему все условия и не лезь с разговорами. Дай горячей воды помыться, накорми, и пусть спит. Это наш парень. Вник?

- Так точно! - ответил я, хотя мне многое было неясно.

* * *

- Кушать хочешь? - спросил я прежде всего.

- Потом, - промолвил мальчик, не подымая глаз.

Тогда я положил перед ним на стол бумагу, конверты и ручку, поставил

чернила, затем, выйдя из землянки, приказал Васильеву отправляться на пост и, вернувшись, запер дверь на крючок.

Мальчик сидел на краю скамейки спиной к раскалившейся докрасна печке; мокрые порты, брошенные им ранее в угол, лежали у его ног. Из заколотого булавкой кармана он вытащил грязный носовой платок, развернув его, высыпал на стол и разложил в отдельные кучки зернышки пшеницы и ржи, семечки подсолнуха и хвою - иглы сосны и ели. Затем с самым сосредоточенным видом пересчитал, сколько было в каждой кучке, и записал на бумагу.

Когда я подошел к столу, он быстро перевернул лист и посмотрел на меня неприязненным взглядом.

- Да я не буду, не буду смотреть, - поспешно заверил я.

Позвонив в штаб батальона, я приказал немедленно нагреть два ведра воды и доставить в землянку вместе с большим казаном. Я уловил удивление в голосе сержанта, повторявшего в трубку мое приказание. Я заявил ему, что хочу мыться, а была половина второго ночи, и, наверно, он, как и Маслов, подумал, что я выпил или же мне делать нечего. Я приказал также подготовить Царивного - расторопного бойца из пятой роты - для отправки связным в штаб полка.

Разговаривая по телефону, я стоял боком к столу и уголком глаза видел, что мальчик разграфил лист бумаги вдоль и поперек и в крайней левой графе по вертикали выводил крупным детским почерком: «...2 ...4, 5...» Я не знал и впоследствии так и не узнал, что означали эти цифры и что он затем написал.

Он писал долго, около часа, царапая пером бумагу, сопя и прикрывая лист рукавом; пальцы у него были с коротко обгрызенными ногтями, в ссадинах; шея и уши - давно не мытые. Время от времени останавливаясь, он нервно покусывал губы, думал или же припоминал, посापывал и снова писал. Уже была принесена горячая и холодная вода, - не впустив никого в землянку, я сам занес ведра и казан, - а он все еще скрипел пером; на всякий случай я поставил ведро с водой на печку.

Закончив, он сложил исписанные листы пополам, всунул в конверт и, поплювив, тщательно заклеил. Затем, взяв конверт побольше размером, вложил в него первый и заклеил так же тщательно.

Я вынес пакет связному - он ожидал близ землянки - и приказал:

- Немедленно доставьте в штаб полка. По тревоге! Об исполнении доложите Краеву...

Затем я вернулся, разбавил воду в одном из ведер, сделав ее не такой горячей. Скинув ватник, мальчишка влез в казан и начал мыться.

Я чувствовал себя перед ним виноватым. Он не отвечал на вопросы, действуя, несомненно, в соответствии с инструкциями, а я кричал на него, угрожал, стараясь выпытать то, что знать мне было не положено: как известно, у разведчиков имеются свои недоступные даже старшим штабным офицерам тайны.

Теперь я готов был ухаживать за ним, как нянька; мне даже захотелось вымыть его самому, но я не решался: он не смотрел в мою сторону и, словно не замечая меня, держался так, будто, кроме него, в землянке никого не было.

- Давай я спину тебе потру, - не выдержав, предложил я нерешительно.

- Я сам! - отрезал он.

Мне оставалось стоять у печки, держа в руках чистое полотенце и бязевую рубашку - он должен был ее надеть, - и помешивать в котелке так кстати не тронутый мною ужин: пшенную кашу с мясом.

Вымывшись, он оказался светловолосым и белокожим; только лицо и кисти рук были потемней от ветра или же от загара. Уши у него были маленькие, розовые, нежные и, как я заметил, асимметричные: правое было прижато, левое же топырилось. Примечательным в его скуластом лице были глаза, большие, зеленоватые, удивительно широко расставленные; мне, наверно, никогда не доводилось видеть глаз, расставленных так широко.

Он вытерся досуха и, взяв из моих рук нагретую у печки рубашку, надел ее, аккуратно подвернув рукава, и уселся к столу. Настороженность и отчужденность уже не проглядывали в его лице; он смотрел устало, был строг и задумчив.

Я ожидал, что он набросится на еду, однако он зацепил ложкой несколько раз, пожевал вроде без аппетита и отставил котелок; затем так же молча выпил кружку очень сладкого - я не пожалел сахара - чаю с печеньем из моего допайка и поднялся, вымолвив тихо:

- Спасибо.

Я меж тем успел вынести казан с темной-темной, лишь сверху сероватой от мыла водой и взбил подушку на нарах. Мальчик забрался в мою постель и улегся лицом к стенке, подложив ладошку под щеку. Все мои действия он воспринимал как должное; я понял, что он не первый раз возвращается с «той стороны» и знает, что, как только о его прибытии станет известно в штабе армии, немедленно будет отдано приказание «создать все условия»... Накрыв его двумя одеялами, я тщательно подоткнул их со всех сторон, как это делала когда-то для меня моя мать...

Стараясь не шуметь, я собрался - надел каску, накинул поверх шинели плащ-палатку, взял автомат - и тихонько вышел из землянки, приказав часовому без меня в нее никого не пускать.

Ночь была ненастная. Правда, дождь уже перестал, но северный ветер дул порывами, было темно и холодно.

Землянка моя находилась в подлеске, метрах в семистах от Днепра, отделявшего нас от немцев. Противоположный, возвышенный берег командовал, и наш передний край был отнесен в глубину, на более выгодный рубеж, непосредственно же к реке выставлялись охраняющие подразделения.

Я пробирался в темноте подлеском, ориентируясь в основном по дальним вспышкам ракет на вражеском берегу - ракеты взлетали то в одном,

то в другом месте по всей линии немецкой обороны. Ночная тишина то и дело всплескивалась отрывистыми пулеметными очередями: по ночам немцы методично, - как говорил наш командир полка, «для профилактики», - каждые несколько минут обстреливали нашу прибрежную полосу и самую реку.

Выйдя к Днепру, я направился к траншее, где располагался ближайший пост, и приказал вызвать ко мне командира взвода охранения. Когда он, запыхавшийся, явился, я двинулся вместе с ним вдоль берега. Он сразу спросил меня про «пацана», быть может решив, что мой приход связан с задержанием мальчишки. Не ответив, я тотчас завел разговор о другом, но сам мыслями невольно все время возвращался к мальчику.

Я вглядывался в скрываемый темнотой полукилометровый плес Днепра, и мне почему-то никак не верилось, что маленький Бондарев с того берега. Кто были люди, переправившие его, и где они? Где лодка? Неужто посты охранения просмотрели ее? Или, может, его спустили в воду на значительном расстоянии от берега? И как же решились спустить в холодную осеннюю воду такого худенького, малосильного мальчишку?..

Наша дивизия готовилась форсировать Днепр. В полученном мною наставлении - я учил его чуть ли не наизусть, - в этом рассчитанном на взрослых, здоровых мужчин наставлении было сказано: «...если же температура воды ниже +15°, то переправа вплавь даже для хорошего пловца исключительно трудна, а через широкие реки невозможна». Это если ниже +15°, а если примерно +5°?

Нет, несомненно, лодка подходила близко к берегу, но почему же тогда ее не заметили? Почему, высадив мальчишку, она ушла потихоньку, так и не обнаружив себя? Я терялся в догадках.

Между тем охранение бодрствовало. Только в одной вынесенной к самой реке ячейке мы обнаружили дремавшего бойца. Он «кемарил» стоя, привалившись к стенке окопа, каска сползла ему на глаза. При нашем появлении он схватился за автомат и спросонок чуть было не прошил нас очередью. Я приказал немедленно заменить его и наказать, отругав перед этим вполголоса и его самого, и командира отделения.

В окопе на правом фланге, закончив обход, мы присели в нише под бруствером и закурили с бойцами. Их было четверо в этом большом, с пулеметной площадкой окопе.

- Товарищ старший лейтенант, как там с огольцом, разобрались? - глуховатым голосом спросил меня один; он дежурил стоя у пулемета и не курил.

- А что такое? - поинтересовался я, настораживаясь.

- Так. Думается, не просто это. В такую ночь последнего пса из дома не выгонят, а он в реку полез. Какая нужда?.. Он что, лодку шукал, на тот берег хотел? Зачем?.. Мутный оголец - его хорошенько проверить надо! Его прижать покрепче, чтоб заговорил. Чтоб всю правду из него выдавить.

- Да, мутность есть вроде, - подтвердил другой не очень уверенно. -

Молчит и смотрит, говорят, волчонком. И раздет почему?

- Мальчишка из Новоселок, - неторопливо затаившись, соврал я (Новоселки было большое, наполовину сожженное село километрах в четырех за нами). - У него немцы мать угнали, места себе не находят... Тут и в реку. полезешь.

- Вон оно что!..

- Тоскует бедолага, - понимающе вздохнул пожилой боец, что курил, присев на корточки против меня; свет сигарки освещал его широкое, темное, поросшее щетиной лицо. - Страшней нет, чем тоска! А Юрлов все дурное думает, все гадкое в людях выискивает. Нельзя так, - мягко и рассудительно сказал он, обращаясь к бойцу, стоявшему у пулемета.

- Бдительный я, - глухим голосом упрямо объявил Юрлов. - И ты меня не укоряй, не переделаешь! Я доверчивых и добрых терпеть не могу. Через эту доверчивость от границы до Москвы земля кровью напоена!.. Хватит!.. А в тебе доброты и доверия под самую завязку, одолжил бы немцам чуток, души помазать!.. Вы, товарищ старший лейтенант, вот что скажите: где одежда его? И чего он все ж таки в воде делал? Странно все это; я считаю - подозрительно!..

- Ишь спрашивает, как с подчиненного, - усмехнулся пожилой. - Дался тебе этот мальчишка, будто без тебя не разберутся. Ты бы лучше спросил, что командование насчет водочки думает. Стильность, спасу нет, а погреться нечем.

Скоро ли давать начнут, спроси. А с мальчишкой и без нас разберутся...

...Посидев с бойцами еще, я вспомнил, что скоро должен приехать Холин, и, простившись, двинулся в обратный путь. Провожать себя я запретил и скоро пожалел об этом; в темноте я заблудился, как потом оказалось, забрал правее и долго блукал по кустам, останавливаемый резкими окриками часовых. Лишь минут через тридцать, прозябнув на ветру, я добрался к землянке.

К моему удивлению, мальчик не спал.

Он сидел в одной рубашке, свесив ноги с нар. Печка давно утухла, и в землянке было довольно прохладно - легкий пар шел изо рта.

- Еще не приехали? - в упор спросил мальчик.

- Нет. Ты спи, спи. Приедут - я тебя разбужу.

- А он дошел?

- Кто он? - не понял я.

- Боец. С пакетом.

- Дошел, - сказал я, хотя не знал: отправив связного, я забыл о нем и о пакете.

Несколько мгновений мальчик в задумчивости смотрел на свет гильзы и неожиданно, как мне показалось, обеспокоенно спросил:

- Вы здесь были, когда я спал? Я во сне не разговариваю?

- Нет, не слышал. А что?

- Так. Раньше не говорил. А сейчас не знаю. Нервеность во мне какая-то, - огорченно признался он.

Вскоре приехал Холин. Рослый темноволосый красавец лет двадцати семи, он ввалился в землянку с большим немецким чемоданом в руке. С ходу сунув мне мокрый чемодан, он бросился к мальчику:

- Иван!

При виде Холина мальчик вмиг оживился и улыбнулся. Улыбнулся впервые, обрадованно, совсем по-детски.

Это была встреча больших друзей, - несомненно, в эту минуту я был здесь лишним. Они обнялись, как взрослые; Холин поцеловал мальчика несколько раз, отступил на шаг и, тиская его узкие, худенькие плечи, разглядывал его восторженными глазами и говорил:

- ...Катасоныч ждет тебя с лодкой у Диковки, а ты здесь...

- В Диковке немцев - к берегу не подойдешь, - сказал мальчик, виновато улыбаясь. - Я плыл от Сосновки. Знаешь, на середине выбился, да еще судорога прихватила - думал, конец...

- Так ты что, вплавь?! - изумленно вскричал Холин.

- На полене. Ты не ругайся - так пришлось. Лодки наверху, и все охраняются. А ваш тузик в такой темноте, думаешь, просто сыскать? Враз застукают! Знаешь, выбился, а полено крутится, выскальзывает, и еще ногу прихватило, ну, думаю: край! Течение!.. Понесло, понесло... не знаю, как выплыл.

Сосновка был хутор выше по течению, на том, вражеском берегу - мальчика снесло без малого на три километра. Было просто чудом, что ненастной ночью, в холодной октябрьской воде, такой слабый и маленький, он все же выплыл...

Холин, обернувшись, энергичным рывком сунул мне свою мускулистую руку, затем, взяв чемодан, легко поставил его на нары и, щелкнув замками, попросил:

- Пойди подгони машину поближе, мы не смогли подъехать. И прикажи часовому никого сюда не впускать и самому не заходить - нам соглядатаи ни к чему. Вник?..

Это «вник» подполковника Грязнова привилось не только в нашей дивизии, но и в штабе армии: вопросительное «Вник?» и повелительное «Вникни!».

Когда минут через десять, не сразу отыскав машину и показав шоферу, как подъехать к землянке, я вернулся, мальчишка совсем преобразился.

На нем была маленькая, сшитая, как видно, специально на него, шерстяная гимнастерка с орденом Отечественной войны, новенькой медалью «За отвагу» и белоснежным подворотничком, темно-синие шаровары и аккуратные

яловые сапожки. Своим видом он теперь напоминал воспитанника - их в полку было несколько, - только на гимнастерке не было погон; да и выглядели воспитанники несравненно более здоровыми и крепкими.

Чинно сидя на табурете, он разговаривал с Холиным. Когда я вошел, они умолкли, и я даже подумал, что Холин послал меня к машине, чтобы поговорить без свидетелей.

- Ну, где ты пропал? - однако сказал он, выказывая недовольство. - Давай еще кружку и садись.

На стол, застеленный свежей газетой, уже была выложена привезенная им еда: сало, копченая колбаса, две банки консервов, пачка печенья, два каких-то кулька и фляжка в суконном чехле. На нарах лежал дубленый мальчиковый полушубок, новенький, очень нарядный, и офицерская шапка-ушанка.

Холин «по-интеллигентному», тонкими ломтиками, нарезал хлеб, затем налил из фляжки водку в две кружки: мне и себе до половины.

- Со свиданьем! - весело, с какой-то удалью проговорил Холин, поднимая кружку.

- За то, чтоб я всегда возвращался, - задумчиво сказал мальчик.

Холин, быстро взглянув на него, предложил:

- За то, чтоб ты поехал в суворовское училище и стал офицером.

- Нет, это потом! - запротестовал мальчик. - А пока война - за то, чтоб я всегда возвращался! - упрямо повторил он.

- Ладно, не будем спорить. За твое будущее. За победу!

Мы чокнулись и выпили. Как и Холин, он ухватил кусок хлеба и долго нюхал его, потом съел, медленно разжевывая.

Холин проворно делал бутерброды и подкладывал Мальчику; тот взял один и ел вяло, будто неохотно.

- Ты ешь давай, ешь! - приговаривал Холин, закусывая сам с аппетитом.

- Отвык помногу, - вздохнул мальчик. - Не могу.

К Холину он обращался на «ты» и смотрел только на него, меня же, казалось, вовсе не замечал. После водки на меня и Холина, как говорится, «едун напал» - мы энергично работали челюстями; мальчик же, съев два небольших бутерброда, вытер платком руки и рот, промолвив:

- Хорош.

Тогда Холин высыпал перед ним на стол шоколадные конфеты в разноцветных обертках. При виде конфет лицо мальчика не оживилось радостно, как это бывает у детей его возраста. Он взял одну, не спеша, с таким равнодушием, будто он каждый день вдоволь ел шоколадные конфеты, развернул ее, откусил кусочек и, сдвинув конфеты на середину стола, предложил нам:

- Угощайтесь.

- Нет, брат, - отказался Холин. - После водки не в цвет.

- Тогда поехали, - вдруг сказал мальчик, поднимаясь и не глядя больше на стол. - Подполковник ждет меня, чего же сидеть?.. Поехали! - потребовал он.

- Сейчас поедем, - с некоторой растерянностью проговорил Холин. В руке

у него была фляжка, он собирался, очевидно, налить еще мне и себе, но, увидев, что мальчик встал, положил фляжку на место. - Сейчас поедим, - повторил он невесело и поднялся.

Меж тем мальчик примерил шапку.

- Вот черт, велика!

- Меньше не было. Я сам выбирал, - словно оправдываясь, пояснил Холин.

- Но нам только доехать, что-нибудь придумаем...

Он с сожалением оглядел стол, уставленный закусками, поднял фляжку, поболтал ею, огорченно посмотрел на меня и вздохнул:

- Сколько ж добра пропадает, а!

- Оставь ему! - сказал мальчик с выражением недовольства и пренебрежения. - Ты что, голодный?

- Ну что ты!.. Просто фляжка - табельное имущество, - отшутился Холин.

- И конфеты ему ни к чему...

- Не будь жмотом!

- Придется... Эх, где наше не пропадало, кто от нас не плакал!.. - снова вздохнул Холин и обратился ко мне: - Убери часового от землянки. И вообще посмотри. Чтоб нас никто не видел.

Накинув набухшую плащ-палатку, я подошел к мальчику. Застегивая крючки на его полушубочке, Холин похвастал:

- А в машине сена - целая копна! Я одеяла взял, подушки, сейчас завалимся - и до самого штаба.

- Ну, Ванюша, прощай! - Я протянул руку мальчику.

- Не прощай, а до свидания! - строго поправил он, сунув мне крохотную узенькую ладошку и одарив меня взглядом исподлобья.

Разведотдельский «додж» с поднятым тентом стоял шагах в десяти от землянки; я не сразу разглядел его.

- Родионов, - тихо позвал я часового.

- Я, товарищ старший лейтенант! - послышался совсем рядом, за моей спиной, хриплый, простуженный голос.

- Идите в штабную землянку. Я скоро вас вызову.

- Слушаюсь! - Боец исчез в темноте.

Я обошел кругом - никого не было. Шофер «доджа» в плащ-палатке, одетой поверх полушубка, не то спал, не то дремал, навалившись на баранку.

Я подошел к землянке, ощупью нашел дверь и приоткрыл ее.

- Давайте!

Мальчик и Холин с чемоданом в руке скользнули к машине; зашуршал брезент, послышался короткий разговор вполголоса - Холин разбудил водителя, - заработал мотор, и «додж» тронулся.

Старшина Катасонов - командир взвода из разведроты дивизии - появился у меня три дня спустя.

Ему за тридцать, он невысок и худощав. Рот маленький, с короткой верхней губой, нос небольшой, приплюснутый, с крохотными ноздрями, глазки голубовато-серые, живые. Симпатичным, выражающим кротость лицом Катасонов походит на кролика. Он скромн, тих и неприметен. Говорит, заметно шепелявя, - может, поэтому стеснителен и на людях молчалив. Не зная, трудно представить, что это один из лучших в нашей армии охотников за языками. В дивизии его зовут ласково: «Катасоныч».

При виде Катасонова мне снова вспоминается маленький Бондарев - эти дни я не раз думал о нем. И я решаю при случае расспросить Катасонова о мальчике: он должен знать. Ведь это он, Катасонов, в ту ночь ждал с лодкой у Диковки, где «немцев столько, что к берегу не подойдешь».

Войдя в штабную землянку, он, приложив ладонь к суконной с малиновым кантом пилотке, негромко здоровается и становится у дверей, не сняв вещмешка и терпеливо ожидая, пока я распекаю писарей.

Они зашились, а я зол и раздражен: только что прослушал по телефону нудное поучение Маслова. Он звонит мне по утрам чуть ли не ежедневно и все об одном: требует своевременного, а подчас и досрочного представления бесконечных донесений, сводок, форм и схем. Я даже подозреваю, что часть отчетности придумывается им самим: он редкостный любитель писанины.

Послушав его, можно подумать, что, если я своевременно буду представлять все эти бумаги в штаб полка, война будет успешно завершена в ближайшее время. Все дело, выходит, во мне. Маслов требует, чтобы я «лично вкладывал душу» в отчетность. Я стараюсь и, как мне кажется, «вкладываю», но в батальоне нет адъютантов, нет и опытного писаря: мы, как правило, запаздываем, и почти всегда оказывается, что мы в чем-то напутали. И я в который уж раз думаю, что воевать зачастую проще, чем отчитываться, и с нетерпением жду: когда же пришлют настоящего командира батальона - пусть он отдувается!

Я ругаю писарей, а Катасонов, зажав в руке пилотку, стоит тихонько у дверей и ждет.

- Ты чего, ко мне? - оборачиваясь к нему, наконец спрашиваю я, хотя мог бы и не спрашивать: Маслов предупредил меня, что придет Катасонов, приказал допустить его на НП и оказывать содействие.

- К вам, - говорит Катасонов, застенчиво улыбаясь. - Немца бы посмотреть.

- Ну что ж... посмотри, - помедлив для важности, милостивым тоном разрешаю я и приказываю посыльному проводить Катасонова на НП батальона.

Часа два спустя, отослав донесение в штаб полка, я отправляюсь снять пробу на батальонной кухне и кустарником пробираюсь на НП.

Катасонов в стереотрубу «смотрит немца». И я тоже смотрю, хотя мне все знакомо.

За широким плесом Днепра - сумрачного, щербатого на ветру - вражеский берег. Вдоль кромки воды - узкая полоска песка; над ней террасный уступ высотой не менее метра, и далее отлогий, кое-где поросший кустами глинистый берег; ночью он патрулируется дозорами вражеского охранения. Еще дальше, высотой метров в восемь крутой, почти вертикальный обрыв. По его верху тянутся траншеи переднего края обороны противника. Сейчас в них дежурят лишь наблюдатели, остальные же отдыхают, укрывшись в блиндажах. К ночи немцы расползутся по окопам, будут постреливать в темноту и до утра пускать осветительные ракеты.

У воды на песчаной полоске того берега - пять трупов. Три из них, разбросанные порознь в различных позах, несомненно, тронуты разложением - я наблюдаю их вторую неделю. А два свежих усажены рядышком, спиной к уступу, прямо напротив НП, где я нахожусь. Оба раздеты и разуты, на одном - тельняшка, ясно различимая в стереотрубу.

- Ляхов и Мороз, - не отрываясь от окуляров, говорит Катасонов.

Оказывается, это его товарищи, сержанты из разведроты дивизии. Продолжая наблюдать, он тихим шепелявым голосом рассказывает, как это случилось.

...Четверо суток назад разведгруппа - пять человек - ушла на тот берег за контрольным пленным. Переправлялись ниже по течению. Языка взяли без шума, но при возвращении были обнаружены немцами. Тогда трое с захваченным фрицем стали отступать к лодке, что и удалось (правда, по дороге один погиб, подорвавшись на mine, а язык уже в лодке был ранен пулеметной очередью). Эти же двое - Ляхов (в тельняшке) и Мороз - залегли и, отстреливаясь, прикрывали отход товарищей.

Убиты они были в глубине вражеской обороны; немцы, раздев, выволокли их ночью к реке и усадили на виду, нашему берегу в назидание.

- Забрать их надо бы... - закончив немногословный рассказ, вздыхает Катасонов.

Когда мы с ним выходим из блиндажа, я спрашиваю о маленьком Бондареве.

- Ванюшка-то?.. - Катасонов смотрит на меня, и лицо его озаряется нежной, необыкновенно теплой улыбкой. - Чудный малец! Только характерный, беда с ним! Вчера прямо баталия была.

- Что такое?

- Да разве ж война - занятие для него?.. Его в школу посылают, в суворовскую. Приказ командующего. А он уперся и ни в какую. Одно твердит: после войны. А теперь воевать, мол, буду, разведчиком.

- Ну, если приказ командующего, не очень-то повоюет.

- Э-э, разве его удержишь! Ему ненависть душу жжет!.. Не пошлют - сам уйдет. Уже уходил раз. - Вздохнув, Катасонов смотрит на часы и

спохватывается. - Ну, заболтался совсем. На НП артиллеристов я так пройду? - указывая рукой, спрашивает он.

Спустя мгновения, ловко отгибая ветви и бесшумно ступая, он уже скользит подлеском.

С наблюдательных пунктов нашего и соседнего справа третьего батальона, а также с НП дивизионных артиллеристов Катасонов в течение двух суток «смотрит немца», делая заметки и кроки в полевом блокноте. Мне докладывают, что всю ночь он провел на НП у стереотрубы, там же он находится и утром, и днем, и вечером, и я невольно ловлю себя на мысли: когда же он спит?

На третий день утром приезжает Холин. Он вваливается в штабную землянку и шумно здоровается со всеми. Вымолвив: «Подержись и не говори, что мало!» - стискивает мне руку так, что хрустят суставы пальцев и я изгибаюсь от боли.

- Ты мне понадобишься! - предупреждает он, затем, взяв трубку, звонит в третий батальон и разговаривает с его командиром капитаном Рябцевым.

- ...к тебе подъедет Катасонов - поможешь ему!.. Он сам объяснит... И покорми в обед горяченьким!.. Слушай дальше: если меня будут спрашивать артиллеристы или еще кто, передай, что я буду у вас в штабе после тринадцати ноль-ноль, - наказывает Холин. - И ты мне тоже потребуешься! Подготовь схему обороны и будь на месте...

Он говорит Рябцеву «ты», хотя Рябцев лет на десять старше его. И к Рябцеву и ко мне он обращается как к подчиненным, хотя начальником для нас не является. У него такая манера; точно так же он разговаривает и с офицерами в штабе дивизии, и с командиром нашего полка. Конечно, для всех нас он представитель высшего штаба, но дело не только в этом. Как и многие разведчики, он, чувствуется, убежден, что разведка - самое главное в боевых действиях войск и поэтому все обязаны ему помогать.

И теперь, положив трубку, он, не спросив даже, чем я собираюсь заниматься и есть ли у меня дела в штабе, приказным тоном говорит:

- Захвати схему обороны, и пойдем посмотрим твои войска...

Его обращение в повелительной форме мне не нравится, но я немало слышан от разведчиков о нем, о его бесстрашии и находчивости, и я молчу, прощая ему то, что другому бы не смолчал. Ничего срочного у меня нет, однако я нарочно заявляю, что должен задержаться на некоторое время в штабе, и он покидает землянку, сказав, что обождет меня у машины.

Спустя примерно четверть часа, просмотрев поденное дело {1} и стрелковые карточки, я выхожу. Разведотдельский «додж» с кузовом, затянутым брезентом, стоит невдалеке под елями. Шофер с автоматом на плече расхаживает в стороне. Холин сидит за рулем, развернув на баранке крупномасштабную карту; рядом - Катасонов со схемой обороны в руках. Они разговаривают; когда я подхожу, замолкнув, поворачивают головы в

мою сторону. Катасонов поспешно выскакивает из машины и приветствует меня, по обыкновению стеснительно улыбаясь.

- Ну ладно, давай! - говорит ему Холин, сворачивая карту и схему, и также вылезает. - Посмотрите все хорошенько и отдыхайте! Часика через два-три я подойду...

Одной из многих тропок я веду Холина к передовой. «Додж» отъезжает в сторону третьего батальона. Настроение у Холина приподнятое, он шагает, весело насвистывая. Тихий холодный день; так тихо, что можно, кажется, забыть о войне. Но она вот, впереди: вдоль опушки свежестрытые окопы, а слева спуск в ход сообщения - траншея полного профиля, перекрытая сверху и тщательно замаскированная дерном и кустарником, ведет к самому берегу. Ее длина более ста метров. При некомплекте личного состава в батальоне отрыть ночами такой ход (причем силами одной лишь роты!) было не так-то просто. Я рассказываю об этом Холину, ожидая, что он оценит нашу работу, но он, глянув мельком, интересуется, где расположены батальонные наблюдательные пункты - основной и вспомогательные. Я показываю.

- Тишина-то какая! - не без удивления замечает он и, став за кустами близ опушки, в цейсовский бинокль рассматривает Днепр и берега - отсюда с небольшого пригорка видно все как на ладонке. Мои же «войска» его, по-видимому, мало интересуют.

Он смотрит, а я стою сзади без дела и, вспомнив, спрашиваю:

- А мальчик, что был у меня, кто он все-таки? Откуда?

- Мальчик? - рассеянно переспрашивает Холин, думая о чем-то другом. - А-а, Иван!.. Много будешь знать, скоро состаришься! - отшучивается он и предлагает: - Ну что ж, давай опробуем твоё метро!

В траншее темно. Кое-где оставлены щели для света, но они прикрыты ветками. Мы двигаемся в полутьме, ступаем, чуть пригнувшись, и кажется, конца не будет этому сырому, мрачному ходу. Но вот впереди светает, еще немного - и мы в окопе боевого охранения, метрах в пятнадцати от Днепра.

Молодой сержант, командир отделения, докладывает мне, искоса разглядывая широкогрудого, представительного Холина.

Берег песчаный, но в окопе по щиколотку жидкой грязи, верно, потому, что дно этой траншеи ниже уровня воды в реке.

Я знаю, что Холин - под настроение - любитель поговорить и побалагурить. Вот и теперь, достав пачку «Беломора», он угощает меня и бойцов папиросами и, прикуривая сам, весело замечает:

- Ну и жизнь у вас! На войне, а вроде ее и нет совсем. Тишь да гладь - божья благодать!..

- Курорт! - мрачно подтверждает пулеметчик Чупахин, долговязый, сутулый

боец в ватных куртке и брюках. Стянув с головы каску, он надевает ее на

черенок лопаты и приподнимает над бруствером. Проходит несколько секунд -

выстрелы доносятся с того берега, и пули тонко посвистывают над головой.

- Снайпер? - спрашивает Холин.

- Курорт, - угрюмо повторяет Чупахин. - Грязевые ванны под присмотром

любящих родственников...

...Той же темной траншеей мы возвращаемся к НП. То, что немцы бдительно наблюдают за нашим передним краем, Холину не понравилось. Хотя это вполне естественно, что противник бодрствует и ведет непрерывное наблюдение, Холин вдруг делается хмурым и молчаливым.

На НП он в стереотрубу минут десять рассматривает правый берег, задает наблюдателям несколько вопросов, листает их журнал и ругается, что они якобы ничего не знают, что записи скудны и не дают представления о режиме и поведении противника. Я с ним не согласен, но молчу.

- Ты знаешь, кто это там, в тельняшке? - спрашивает он меня, имея в виду убитых разведчиков на том берегу.

- Знаю.

- И что же, не можешь Их вытащить? - говорит он с недовольством и презрительно. - На час дела! Все указаний свыше ждешь?

Мы выходим из блиндажа, и я спрашиваю:

- Чего вы с Катасоновым высматриваете? Поиск, что ли, готовите?

- Подробности в афишах! - хмуро бросает Холин, не взглянув на меня, и направляется чащобой в сторону третьего батальона. Я, не раздумывая, следую за ним..

- Ты мне больше не нужен! - вдруг объявляет он, не оборачиваясь. И я останавливаюсь, растерянно смотрю ему в спину и поворачиваю назад к штабу.

«Ну, подожди же!..» Бесцеремонность Холина раздражила меня. Я обижен, зол и ругаюсь вполголоса. Проходящий в стороне боец, поприветствовав, оборачивается и смотрит на меня удивленно.

А в штабе писарь докладывает:

- Майор два раза звонили. Приказали вам доложить...

Я звоню командиру полка.

- Как там у тебя? - прежде всего спрашивает он своим медлительным, спокойным голосом.

- Нормально, товарищ майор.

- Там к тебе Холин приедет... Сделай все, что потребуется, и оказывай ему всяческое содействие...

«Будь он неладен, этот Холин!..» Меж тем майор, помолчав, добавляет:

- Это приказание «Волги». Мне сто первый звонил...

«Волга» - штаб армии; «сто первый» - командир нашей дивизии полковник Воронов. «Ну и пусть! - думаю я. - А бегать за

Холиным я не буду! Что попросит - сделаю! Но ходить за ним и напрашиваться - это уж, как говорится, извини-подвинься!»

И я занимаюсь своими делами, стараясь и не думать о Холине.

После обеда я захожу в батальонный медпункт. Он размещен в двух просторных блиндажах на правом фланге, рядом с третьим батальоном. Такое расположение весьма неудобно, но дело в том, что и землянки и блиндажи, в которых мы размещаемся, отрыты и оборудованы еще немцами - понятно, что о нас они менее всего думали.

Новая, прибывшая в батальон дней десять назад военфельдшер - статная, лет двадцати, красивая блондинка с ярко-голубыми глазами - в растерянности

прикладывает руку к... марлевой косынке, стягивающей пышные волосы, и пытается мне доложить. Это не рапорт, а робкое, невнятное бормотание; но я ей ничего не говорю. Ее предшественник, старший лейтенант Востриков - старенький, страдавший астмой военфельдшер, - погиб недели две назад на поле боя. Он был опытен, смел и расторопен. А она?.. Пока я ею недоволен.

Военная форма - стянутая в талии широким ремнем, отутюженная гимнастерочка, юбка, плотно облегающая крепкие бедра, и хромовые сапожки на стройных ногах - все ей очень идет; военфельдшер так хороша, что я стараюсь на нее не смотреть.

Между прочим, она мне землячка, тоже из Москвы. Не будь войны, я, встретив ее, верно б, влюбился и, ответив ей взаимностью, был бы счастлив без меры, бегал бы вечером на свидания, танцевал бы с ней в парке Горького и целовался где-нибудь в Нескучном... Но, увы, война! Я исполняю обязанности командира батальона, а она для меня всего-навсего военфельдшер.

Причем не справляющийся со своими обязанностями.

И я неприязненным тоном говорю ей, что в ротах опять «форма двадцать»^{2}, а белье как следует не прожаривается и помывка личного состава до сих пор должным образом не организована. Я предъявляю ей еще ряд претензий и требую, чтобы она не забывала, что она командир, не бралась бы за все сама, а заставляла работать ротных санинструкторов и санитаров.

Она стоит передо мной, вытянув руки по швам и опустив голову. Тихим, прерывистым голосом без конца повторяет: «Слушаюсь... слушаюсь... слушаюсь», - заверяет меня-, что старается и скоро «все будет хорошо».

Вид у нее подавленный, и мне становится ее жаль. Но я не должен поддаваться этому чувству - я не имею права ее жалеть. В обороне она терпима, но впереди форсирование Днепра и нелегкие наступательные бои - в батальоне будут десятки раненых, и спасение их жизней во многом будет зависеть от этой девушки с погонами лейтенанта медслужбы.

В невеселом раздумье я выхожу из землянки, военфельдшер - следом.

Вправо, шагах в ста от нас, бугор, в котором устроен НП дивизионных артиллеристов. С тыльной стороны бугра, у подножия - группа офицеров: Холин,

Рябцев, знакомые мне командиры батарей из артполка, командир минометной роты третьего батальона и еще два неизвестных мне офицера. У Холина и еще у двух в руках карты или схемы. Очевидно, как я и догадывался, подготавливается поиск, и проведен он будет, судя по всему, на участке третьего батальона.

Заметив нас, офицеры оборачиваются и смотрят в нашу сторону. Рябцев, артиллеристы и минометчик приветственно машут мне руками; я отвечаю тем же.

Я ожидаю, что Холин окликнет, позовет меня - ведь я должен «оказывать ему всяческое содействие», но он стоит ко мне боком, показывая офицерам что-то на карте. И я оборачиваюсь к военфельдшеру.

- Даю вам два дня. Навести в санслужбе порядок и доложить!

Она что-то невнятно бормочет под нос. Сухо козырнув, я отхожу, решив при первой возможности добиваться ее откомандирования. Пусть пришлют другого фельдшера. И обязательно мужчину.

До вечера я нахожусь в ротах: осматриваю землянки и блиндажи, проверяю оружие, беседую с бойцами, вернувшимися из медсанбата, и забиваю с ними «козла».

Уже в сумерках я возвращаюсь к себе в землянку и обнаруживаю там Холина. Он спит, развалясь на моей постели, в гимнастерке и шароварах. На столе записка: «Разбуди в 18.30. Холин».

Я пришел как раз вовремя и бужу его. Открыв глаза, он садится на нарах, позевывая, потягивается и говорит:

- Молодой, молодой, а губа-то у тебя не дура!

- Чего? - не поняв, спрашиваю я.

- В бабах, говорю, толк понимаешь. Фельдшерица подходя-явая! - Пройдя в угол, где подвешен рукомойник, Холин начинает умываться. - Если серьги вдеть, то можно... Только днем ты к ней не ходи, - советует он, - авторитет подмочишь.

- Иди ты к черту! - выкрикиваю я, озлясь.

- Грубиян ты, Гальцев, - благодушно замечает Холин. Он умывается, пофыркивая и отчаянно брызгаясь. - Дружеской подначки не понимаешь... И полотенце вот у тебя грязное, а могла бы постирать. Дисциплинки нет!

Вытерев лицо «грязным» полотенцем, он интересуется:

- Меня никто не спрашивал?

- Не знаю, меня не было.

- И тебе не звонили?

- Звонил часов в двенадцать командир полка.

- Чего?

- Просил оказывать тебе содействие.

- Он тебя «просит»?.. Вон как! - Холин ухмыляется. - Здорово

у вас дело поставлено! - Он окидывает меня насмешливо-пренебрежительным взглядом. - Эх, голова - два уха! Ну какое ж от тебя может быть содействие?..

Закурив, он выходит из землянки, но скоро возвращается и, потирая руки, довольный, сообщает:

- Эх и ночка будет - как на заказ!.. Все же господь не без милости. Скажи, ты в бога веруешь?.. А ты куда это собираешься? - спрашивает он строго. - Нет, ты не уходи, ты, может, еще понадобишься...

Присев на нары, он в задумчивости напевает, повторяя одни и те же слова:

*Эх, ночка темна,
А я боюся,
Ах, проводите
Меня, Маруся...*

Я разговариваю по телефону с командиром четвертой роты и, когда кладу трубку, улавливаю шум подъехавшей машины. В дверь тихонько стучат.

- Войдите!

Катасонов, войдя, прикрывает дверь и, приложив руку к пилотке, докладывает:

- Прибыли, товарищ капитан!

- Убери часового! - говорит мне Холин, перестав напевать и живо поднимаясь.

Мы выходим вслед за Катасоновым. Моросит дождь. Близ землянки - знакомая машина с тентом. Выждав, пока часовой скроется в темноте, Холин расстегивает сзади брезент и шепотом зовет:

- Иван!..

- Я, - слышится из-под тента тихий детский голос, и через мгновение маленькая фигурка, появившись из-под брезента, спрыгивает на землю.

- Здравствуй! - говорит мне мальчик, как только мы заходим в землянку,, и, улыбаясь, с неожиданным дружелюбием протягивает руку.

Он выглядит посвежевшим и поздоровевшим, щеки румянятся, Катасонов отряхивает с его полушубочка сенную труху, а Холин заботливо предлагает:

- Может, ляжешь, отдохнешь?

- Да ну! Полдня спал и опять отдыхать?

- Тогда достань нам чего-нибудь интересное, - говорит мне Холин. - Журнальчик там или еще что... Только с картинками!

Катасонов помогает мальчику раздеться, а я выкладываю на стол несколько номеров «Огонька», «Красноармейца» и «Фронтовых иллюстраций». Оказывается, что некоторые из журналов мальчик уже видел - он откладывает их в сторону.

Сегодня он неузнаваем: разговорчив, то и дело улыбается, смотрит на меня приветливо и обращается ко мне, как и к Холину и Катасонову, на

«ты». И у меня к этому белоголовому мальчишке необычайно теплое чувство. Вспомнив, что у меня есть коробка леденцов, я, достав, открываю ее и ставлю перед ним, наливаю ему в кружку ряженки с шоколадной пенкой, затем подсаживаюсь рядом, и мы вместе смотрим журналы.

Тем временем Холин и Катасонов приносят из машины уже знакомый мне трофейный чемодан, объемистый узел, увязанный в плащ-палатку, два автомата и небольшой фанерный чемодан.

Засунув узел под нары, они усаживаются позади нас и разговаривают. Я слышу, как Холин вполголоса говорит Катасонову обо мне:

- ...Ты бы послушал, как шпрехает - как фриц! Я его весной в переводчики вербовал, а он, видишь, уже батальоном командует...

Это было. В свое время Холин и подполковник Грязное, послушав, как я по приказанию комдива опрашивал пленных, уговаривали меня перейти в разведотдел переводчиком. Но я не захотел и ничуть не жалею: на разведывательную работу я пошел бы охотно, но только на оперативную, а не переводчиком.

Катасонов поправляет дрова и тихонько вздыхает:

- Ночь-то уж больно хороша!..

Он и Холин полушепотом разговаривают о предстоящем деле, и я узнаю, что подготавливали они вовсе не поиск. Мне становится ясно, что сегодня ночью Холин и Катасонов должны переправить мальчику через Днепр в тыл к немцам.

Для этого ими привезена малая надувная лодка «штурмовка», однако Катасонов уговаривает Холина взять плоскодонку у меня в батальоне. «Клевые тузики!» - шепчет он.

Вот черти - пронюхали! В батальоне пять рыбачьих плоскодонок - мы их возим с собой уже третий месяц. Причем, чтобы их не забрали в другие батальоны, где всего по одной лодке, я приказал маскировать их тщательно, на марше прятать под сено и в отчетности об имеющихся подсобных переправочных средствах указываю всего две лодки, а не пять.

Мальчик грызет леденцы и смотрит журналы. К разговору Холина и Катасонова он не прислушивается.

Просмотрев журналы, он откладывает один, где напечатан рассказ о разведчиках, и говорит мне:

- Вот это я прочту. Слушай, а патефона у тебя нет?

- Есть, но сломана пружина.

- Бедненько живешь, - замечает он и вдруг спрашивает: - А ушами ты можешь двигать?

- Ушами?.. Нет, не могу, - улыбаюсь я. - А что?

- А Холин может! - не без торжества сообщает он и оборачивается: - Холин, ну-ка покажи - ушами!

- Всегда - пожалуйста! - Холин с готовностью подсакивает и, став перед нами, шевелит ушными раковинами; лицо его при этом остается совершенно неподвижным.

Мальчик, довольный, торжествующе смотрит на меня.

- Можешь не огорчаться, - говорит мне Холин, - ушами двигать я тебя научу. Это успеется. А сейчас идем, покажешь нам лодки.

- А вы меня с собой возьмете? - неожиданно для самого себя спрашиваю я.

- Куда с собой?

- На тот берег.

- Видали, - кивает на меня Холин, - охотничек! А зачем тебе на тот берег?.. - И, смерив меня взглядом, словно оценивая, он спрашивает: - Ты плавать-то хоть умеешь?

- Как-нибудь! И гребу и плаваю.

- А плаваешь как - сверху вниз? по вертикали? - с самым серьезным видом интересуется Холин.

- Да уж, думаю, во всяком случае, не хуже тебя!

- Конкретнее. Днепр переплывешь?

- Раз пять, - говорю я. И это правда, если учесть, что я имею в виду плавание налегке в летнее время. - Свободно раз пять, туда и обратно!

- Силе-ен мужик! - неожиданно хохочет Холин, и они втроем смеются. Вернее, смеются Холин и мальчик, а Катасонов застенчиво улыбается.

Вдруг, сделавшись серьезным, Холин спрашивает:

- А ружьишкой ты не балуешься?

- Иди ты!.. - раздражаюсь я, знакомый с подвохом подобного вопроса.

- Вот видите, - указывает на меня Холин, - завелся с пол-оборота! Никакой выдержки. Нервишки-то явно тряпичные, а просится на тот берег. Нет, парень, с тобой лучше не связываться!

- Тогда я лодку не дам.

- Ну, лодку-то мы и сами возьмем - что у нас, рук нет? А случ-чего позвоню комдиву, так ты ее на своем горбу к реке припрешь!

- Да будет вам, - вступается мальчик примиряюще. - Он и так даст. Ведь дашь? - заглядывая мне в глаза, спрашивает он.

- Да уж придется, - натянуто улыбаясь, говорю я.

- Так идем посмотрим! - берет меня за рукав Холин. - А ты здесь побудь, - говорит он мальчику. - Только не возись, а отдыхай.

Катасонов, поставив на табурет фанерный чемоданчик, открывает его - там различные инструменты, банки с чем-то, тряпки, пакля, бинты. Перед тем как надеть ватник, я пристегиваю к ремню финку с наборной рукоятью.

- Ух и нож! - восхищенно восклицает мальчик, и глаза у него загораются.

- Покажи!

Я протягиваю ему нож; повертев его в руках, он просит:

- Слушай, отдай его мне!

- Я бы тебе отдал, но понимаешь... это подарок.

Я его не обманываю. Этот нож - подарок и память о моем лучшем друге Котьке Холодове. С третьего класса мы сидели с Котькой на одной парте,

вместе ушли в армию, вместе были в училище и воевали в одной дивизии, а позже в одном полку.

...На рассвете того сентябрьского дня я находился в окопе на берегу Десны. Я видел, как Котька со своей ротой - первым в нашей дивизии - начал переправляться на правый берег. Связанные из бревен, жердей и бочек плотики миновали уже середину реки, когда немцы обрушились на переправу огнем артиллерии и минометов. И тут же белый фонтан воды взлетел над Котькиным плотиком... Что было там дальше, я не видел - трубка в руке телефониста прохрипела: «Гальцев, вперед!..» И я, а за мной вся рота - сто с лишним человек, - прыгнув через бруствер, бросились к воде, к точно таким же плотикам... Через полчаса мы уже вели рукопашный бой на правом берегу...

Я еще не решил, что сделаю с финкой: оставлю ее себе или же, вернувшись

после войны в Москву, приду в тихий переулочек на Арбате и отдам нож Котькиным старикам, как последнюю память о сыне...

- Я тебе другой подарю, - обещаю я мальчику.

- Нет, я хочу этот! - говорит он капризно и заглядывает мне в глаза. -

Отдай его мне!

- Не жлобься, Галыдев, - бросает со стороны Холин неодобрительно. Он стоит одетый, ожидая меня и Катасонова. - Не будь крохобором!

- Я тебе другой подарю. Точно такой! - убеждаю я мальчика.

- Будет у тебя такой нож, - обещает ему Катасонов, осмотрев финку. - Я достану.

- Да я сделаю, честное слово! - заверяю я. - А это подарок, понимаешь - память!

- Ладно уж, - соглашается наконец мальчик обидчивым голосом. - А сейчас оставь его - поиграться...

- Оставь нож и идем, - торопит меня Холин.

- И чего мне с вами идти? Какая радость? - застегивая ватник, вслух рассуждаю я. - Брать вы меня с собой не берете, а где лодки, и без меня знаете.

- Идем, идем, - подталкивает меня Холин. - Я тебя возьму, - обещает он.

- Только не сегодня.

Мы выходим втроем и подлеском направляемся к правому флангу. Моросит мелкий, холодный дождь. Темно, небо затянуто сплошь - ни звездочки, ни просвета.

Катасонов скользит впереди с чемоданом, ступая без шума и так уверенно, точно он каждую ночь ходит этой тропой. Я снова спрашиваю Холина о мальчике и узнаю, что маленький Бондарев из Гомеля, но перед войной жил с родителями на заставе где-то в Прибалтике. Его отец, пограничник, погиб в первый же день войны. Сестренка полутора лет была убита на руках у мальчика во время отступления.

- Ему столько довелось пережить, что нам и не снилось, - шепчет Холин.

- Он и в партизанах был, и в Тростянце - в лагере смерти... У него на уме одно: мстить до последнего! Как рассказывает про лагерь или вспомнит отца, сестренку - трясется весь. Я никогда не думал, что ребенок может так ненавидеть...

Холин на мгновение умолкает, затем продолжает еле слышным шепотом:

- Мы тут два дня бились - уговаривали его поехать в суворовское училище. Командующий сам убеждал его: и по-хорошему и грозился. А в конце концов разрешил сходить с условием: последний раз! Видишь ли, не посылать его - это тоже боком может выйти. Когда он впервые пришел к нам, мы решили: не посылать! Так он сам ушел. А при возвращении наши же - из охранения в полку у Шилина - обстреляли его. Ранили в плечо, и винить некого: ночь была темная, а никто ничего не знал!.. Видишь ли, то, что он делает, и взрослым редко удается. Он один дает больше, чем ваша разведрота. Они лезут в боевых порядках немцев не далее войскового тыла{3}. А проникнуть и легализоваться в оперативном тылу противника и находиться там, допустим, пять - десять дней разведгруппа не может. И отдельному разведчику это редко удается. Дело в том, что взрослый в любом обличье вызывает подозрение. А подросток, бездомный побирушка - быть может, лучшая маска для разведки в оперативном тылу... Если б ты знал его поближе - о таком мальчишке можно только мечтать!.. Уже решено, если после войны не отыщется мать, Катасоныч или подполковник усыновят его...

- Почему они, а не ты?

- Я бы взял, - шепчет Холин, вздыхая, - да подполковник против. Говорит, что меня самого еще надо воспитывать! - усмехаясь, признается он.

Я мысленно соглашаюсь с подполковником: Холин грубоват, а порой развязен и циничен. Правда, при мальчишке он сдерживается, мне даже кажется, что он побаивается Ивана.

Метрах в ста пятидесяти до берега мы сворачиваем в кустарник, где, заваленные ельником, хранятся плоскодонки. По моему приказанию их держат наготове и через день поливают водой, чтобы не рассыхались.

Присвечивая фонариками, Холин и Катасонов осматривают лодки, щупают и простукивают днища и борта. Затем переворачивают каждую, усаживаются и, вставив весла в уключины, «гребут». Наконец выбирают одну, небольшую, с широкой кормой, на трех-четыре человек, не более.

- Вериги эти ни к чему. - Холин берет за цепь и, как хозяин, начинает выкручивать кольцо. - Остальное сделаем на берегу. Сперва опробуем на воде...

Мы поднимаем лодку - Холин за нос, мы с Катасоновым за корму - и делаем с ней несколько шагов, продираясь меж кустами.

- А ну вас к маме! - вдруг тихо ругается Холин. - Подайте!..

Мы «подаем» - он взваливает лодку плоским днищем себе на

спину, вытянутыми над головой руками ухватывается с двух сторон за края бортов и, чуть пригнувшись, широко ступая, идет следом за Катасоновым к реке.

У берега я обгоняю их - предупредить пост охранения, по-видимому, для этого я и был им нужен.

Холин со своей ношей медленно ходит к воде и останавливается. Мы втроем осторожно, чтобы не шуметь, опускаем лодку на воду.

- Садитесь!

Мы усаживаемся. Холин, оттолкнувшись, вскакивает на корму - лодка скользит от берега. Катасонов, двигая веслами - одним гребя, другим табаня, - разворачивает ее то вправо, то влево. Затем он и Холин, словно задавшись целью перевернуть лодку, наваливаются попеременно то на левый, то на правый борт, так что того и гляди зальется вода, потом, став на четвереньки, ощупывая, гладят ладонями борта и днище.

- Клевый тузик! - одобрительно шепчет Катасонов.

- Пойдет, - соглашается Холин. - Он, оказывается, действительно спец лодки воровать, дрянных не берет! Покайся, Гальцев, скольких хозяев ты обездолил?..

С правого берега то и дело, отрывистые и гулкие над водой стучат пулеметные очереди.

- Садят в божий свет, как в копеечку, - шепелявя, усмехается Катасонов.

- Расчетливы вроде и прижимисты, а посмотришь - сама бесхозяйственность! Ну что толку палить вслепую?.. Товарищ капитан, может, потом под утро ребят вытащим, - нерешительно предлагает он Холину.

- Не сегодня. Только не сегодня... Катасонов легко подгребает. Подчалив, мы вылезает на берег.

- Что ж, забинтуем уключины, забьем гнезда солидоллом, и все дела! - довольно шепчет Холин и поворачивается ко мне:

- Кто у тебя здесь в окопе?

- Бойцы, двое.

- - Оставь одного. Надежного и чтоб молчать умел! Вник? Я заскочу к нему покурить - проверю!.. Командира взвода охранения предупреди: после двадцати двух ноль-ноль разведгруппа, возможно, так и скажи ему: возможно! - подчеркивает Холин, - пойдет на ту сторону. К этому времени чтобы все посты были предупреждены. А сам он пусть находится в ближнем большом окопе, где пулемет. - Холин указывает рукой вниз по течению. - Если при возвращении нас обстреляют, я ему голову сверну!.. Кто пойдет, как и зачем, - об этом ни слова! Учти: об Иване знаешь только ты! Подписки я от тебя брать не буду, но если сболтнешь, я тебе...

- Что ты пугаешь? - шепчу я возмущенно. - Что я, маленький, что ли?

- Я тоже так думаю. Да ты не обижайся. - Он похлопывает меня по плечу.

- Я же должен тебя предупредить... А теперь действуй!..

Катасонов уже возится с уключинами. Холин, подойдя к лодке, тоже

берется за дело. Постояв с минуту, я иду вдоль берега.

Командир взвода охранения встречается мне неподалеку - он обходит окопы, проверяя посты. Я инструктирую его, как сказал Холин, и отправляюсь в штаб батальона. Сделав кое-какие распоряжения и подписав документы, я возвращаюсь к себе в землянку.

Мальчик один. Он весь красный, разгорячен и возбужден. В руке у него Котькин нож, на груди мой бинокль, лицо виноватое. В землянке беспорядок: стол перевернут вверх ногами и накрыт сверху одеялом, ножки табурета торчат из-под нар.

- Слушай, ты не сердись, - просит меня мальчик. - Я нечаянно, честное слово, нечаянно...

Только тут я замечаю на вымытых утром добела досках пола большое чернильное пятно.

- Ты не сердись? - заглядывая мне в глаза, спрашивает он.

- Да нет же, - отвечаю я, хотя беспорядок в землянке и пятно на полу мне вовсе не по нутру. Я молча устанавливаю все на места, мальчик помогает

мне, он поглядывает на пятно и предлагает:

- Надо воды нагреть. И с мылом... Я ототру!

- Да ладно, без тебя как-нибудь...

Я проголодался и по телефону приказываю принести ужин на шестерых - я не сомневаюсь, что Холин и Катасонов, повозившись с лодкой, проголодались не менее меня.

Заметив журнал с рассказом о разведчиках, я спрашиваю мальчика:

- Ну как, прочел?

- Ага... Переживательно. Только по правде так не бывает. Их сразу застукают. А им еще потом ордена навесили.

- А у тебя за что орден? - интересуюсь я.

- Это еще в партизанах.

- Ты и в партизанах был? - словно услышав впервые, удивляюсь я. - А почему же ушел?

- Блокировали нас в лесу, ну, и меня самолетом на Большую землю. В интернат. Только я оттуда скоро подорвал.

- Как подорвал?

- Сбежал. Тягостно там, прямо невтерпеж. Живешь - крупу переводишь. И знай зубри: рыбы - позвоночные животные... Или значение травоядных в жизни человека...

- Так это тоже нужно знать.

- Нужно. Только зачем мне это сейчас? К чему?.. Я почти месяц терпел. Вот лежу ночью и думаю: зачем я здесь? Для чего?..

- Интернат - это не то, - соглашаюсь я. - Тебе другое нужно. Тебе бы вот в суворовское училище попасть - было бы здорово!

- Это тебя Холин научил? - быстро спрашивает мальчик и смотрит на меня настороженно.

- При чем тут Холин? Я сам так думаю. Ты уже повоевал: и в партизанах, и в разведке. Человек ты заслуженный. Теперь тебе что нужно: отдыхать, учиться! Ты знаешь, из тебя какой офицер получится?!

- Это Холин тебя научил! - говорит мальчик убежденно. - Только зря!.. Офицером стать я еще успею. А пока война, отдыхать может тот, от кого пользы мало.

- Это верно, но ведь ты еще маленький!

- Маленький?.. А ты в лагере смерти был? - вдруг спрашивает он; глаза его вспыхивают лютой, недетской ненавистью, крохотная верхняя губа подергивается. - Что ты меня агитируешь, что?! - выкрикивает он взволнованно. - Ты... ты ничего не знаешь и не лезь!.. Напрасные хлопоты...

Несколько минут спустя приходит Холин. Сунув фанерный чемоданчик под нары, он опускается на табурет и курит жадно, глубоко затягиваясь.

- Все куришь, - недовольно замечает мальчик. Он любуется ножом, вытаскивает его из ножен, вкладывает снова и перевешивает с правого на левый бок. - От курева легкие бывают зеленые.

- Зеленые? - рассеянно улыбаясь, переспрашивает Холин. - Ну и пусть зеленые. Кому это видно?

- А я не хочу, чтобы ты курил! У меня голова заболит.

- Ну ладно, я выйду.

Холин подымается, с улыбкой смотрит на мальчика; заметив покрасневшее лицо, подходит, прикладывает ладонь к его лбу и, в свою очередь, с недовольством говорит:

- Опять возился?.. Это никуда не годится! Ложись-ка отдыхай. Ложись, ложись!

Мальчик послушно укладывается на нарах. Холин, достав еще папиросу, прикуривает от своего же окурка и, набросив шинель, выходит из землянки.

Когда он прикуривает, я замечаю, что руки у него чуть дрожат. У меня «нервишки тряпичные», но и он волнуется перед операцией. Я уловил в нем какую-то рассеянность или обеспокоенность; при всей своей наблюдательности он не заметил чернильного пятна на полу, да и выглядит как-то странно. А может, мне это только кажется.

Он курит на воздухе минут десять (очевидно, не одну папиросу), возвращается и говорит мне:

- Часа через полтора пойдем. Давай ужинать.

- А где Катасоныч? - спрашивает мальчик.

- Его срочно вызвал комдив. Он уехал в дивизию.

- Как уехал?! - Мальчик живо приподнимается. - Уехал и не зашел? Не пожелал мне удачи?

- Он не мог! Его вызвали по тревоге, - объясняет Холин. - Я даже не представляю, что там случилось. Они же знают, что он нам нужен, и вдруг вызывают...

- Мог бы забежать. Тоже друг... - обиженно и взволнованно говорит мальчик. Он по-настоящему расстроен. С полминуты он лежит молча, отвернув

лицо к стенке, затем, обернувшись, спрашивает:

- Так мы, что же, вдвоем пойдем?

- Нет, втроем. Он пойдет с нами, - быстрым кивком указывает на меня Холин.

Я смотрю на него в недоумении и, решив, что он шутит, улыбаюсь.

- Ты не улыбься и не смотри как баран на новые ворота. Тебе без дураков говорят, - заявляет Холин. Лицо у него серьезное и, пожалуй, даже озабоченное.

Я все же не верю и молчу.

- Ты же сам хотел. Ведь просился! А теперь что ж, трусишь? - спрашивает он, глядя на меня пристально, с презрением и неприязнью, так, что мне становится не по себе. И я вдруг чувствую, начинаю понимать, что он не шутит.

- Я не трушу! - твердо заявляю я, пытаюсь собраться с мыслями. - Просто неожиданно как-то...

- В жизни все неожиданно, - говорит Холин задумчиво. - Я бы тебя не брал, поверь: это необходимость! Катасоныча вызвали срочно, понимаешь - по тревоге! Представить себе не могу, что у них там случилось... Мы вернемся часа через два, - уверяет Холин. - Только ты сам принимай решение. Сам! И случ-чего на меня не вали. Если обнаружится, что ты самовольно ходил на тот берег, нас взгреют по первое число. Так случ-чего не скули: «Холин сказал, Холин просил, Холин меня втравил!..» Чтобы этого не было! Учти: ты сам напросился. Ведь просился?.. Случ-чего мне, конечно, попадет, но и ты в стороне не останешься!.. Кого за себя оставить думаешь? - после короткой паузы деловито спрашивает он.

- Замполита. Колбасова, - подумав, говорю я. - Он парень боевой...

- Парень он боевой. Но лучше с ним не связываться. Замполиты - народец принципиальный; того и гляди, в политдонесение попадем, тогда неприятностей не оберешься, - поясняет Холин, усмехаясь, и закатывает глаза кверху. -

Спаси нас бог от такой напасти!

- Тогда Гущина, командира пятой роты.

- Тебе виднее, решай сам! - замечает Холин и советует: - Ты его в курс дела не вводи: о том, что ты пойдешь на тот берег, будут знать только в охранении, вник?.. Если учесть, что противник держит оборону и никаких активных действий с его стороны не ожидается, так что же, собственно говоря, может случиться?.. Ничего! К тому же ты оставляешь заместителя и отлучаешься всего на два часа. Куда?.. Допустим, в село, к бабе! Решил

осчастливить какую-нибудь дуреху, - ты же живой человек, черт побери! Мы вернемся через два, ну максимум через три часа, - подумаешь, большое дело!..

...Он зря меня убеждает. Дело, конечно, серьезное, и, если командование узнает, неприятностей действительно не оберешься. Но я уже решил и стараюсь не думать о неприятностях - мыслями я весь в предстоящем...

Мне никогда не приходилось ходить в разведку. Правда, месяца три назад я со своей ротой провел - причем весьма успешно - разведку боем. Но что такое разведка боем?.. Это, по существу, тот же наступательный бой, только ведется он ограниченными силами и накоротке.

Мне никогда не приходилось ходить в разведку, и, думая о предстоящем, я, естественно, не могу не волноваться...

Приносят ужин. Я выхожу и сам забираю котелки и чайник с горячим чаем.

Еще я ставлю на стол крынку с ряженкой и банку тушенки. Мы ужинаем: мальчик и Холин едят мало, и у меня тоже пропал аппетит. Лицо у мальчика обиженное и немного печальное. Его, видно, крепко задело, что Катасонов не зашел пожелать ему успеха. Поев, он снова укладывается на нары.

Когда со стола убрано, Холин раскладывает карту и вводит меня в курс дела.

Мы переправляемся на тот берег втроем и, оставив лодку в кустах, продвигаемся кромкой берега вверх по течению метров шестьсот до оврага -

Холин показывает на карте.

- Лучше, конечно, было бы подплыть прямо к этому месту, но там голый берег и негде спрятать лодку, - объясняет он.

Этим оврагом, находящимся напротив боевых порядков третьего батальона, мальчик должен пройти передний край немецкой обороны.

В случае если его заметят, мы с Холиным, находясь у самой воды, должны немедленно обнаружить себя, пуская красные ракеты - сигнал вызова огня, - отвлечь внимание немцев и любой ценой прикрыть отход мальчика к лодке.

Последним отходит Холин.

В случае если мальчик будет обнаружен, по сигналу наших ракет «поддерживающие средства» - две батареи 76-миллиметровых орудий, батарея 120-миллиметровых минометов, две минометные и пулеметная рота - должны интенсивным артналетом с левого берега ослепить и ошеломить противника, окаймить артиллерийско-минометным огнем немецкие траншеи по обе стороны оврага и далее влево, чтобы воспрепятствовать возможным вылазкам немцев и обеспечить наш отход к лодке.

Холин сообщает сигналы взаимодействия с левым берегом, уточняет детали и спрашивает:

- Тебе все ясно?

- Да, будто все.

Помолчав, я говорю о том, что меня беспокоит: а не потеряет ли мальчик ориентировку при переходе, оставшись один в такой темноте, и не может ли он пострадать в случае артобстрела.

Холин разъясняет, что «он» - кивок в сторону мальчика - совместно с Катасоновым из расположения третьего батальона в течение нескольких часов изучал вражеский берег в месте перехода и знает там каждый кустик, каждый бугорок. Что же касается артиллерийского налета, то цели пристреляны заранее и будет оставлен «проход» шириной до семидесяти метров.

Я невольно думаю о том, сколько непредвиденных случайностей может быть, но ничего об этом не говорю. Мальчик лежит задумчиво-печальный, устремив взор вверх. Лицо у него обиженное и, как мне кажется, совсем безучастное, словно наш разговор его ничуть не касается.

Я рассматриваю на карте синие линии - эшелонированную в глубину оборону немцев - и, представив себе, как она выглядит в действительности, тихонько спрашиваю:

- Слушай, а удачно ли выбрано место перехода? Неужто на фронте армии нет участка, где оборона противника не так плотна? Неужто в ней нет «слабины», разрывов, допустим, на стыках соединений?

Холин, прищутив карие глаза, смотрит на меня насмешливо.

- Вы в подразделениях дальше своего носа ничего не видите! - заявляет он с некоторым пренебрежением. - Вам все кажется, что против вас основные силы противника, а на других участках слабенькое прикрытие, так, для видимости! Неужели же ты думаешь, что мы не выбирали или соображаем меньше твоего?.. Да если хочешь знать, тут у немцев по всему фронту напихано столько войск, что тебе и не снилось! И за стыками они смотрят в оба - дурей себя не ищи: глупенькие да-авно перевелись! Глухая, плотная оборона на десятки километров, - невесело вздыхает Холин. - Чудак-рыбак, тут все не раз продумано. В таком деле с кондачка не действуют, учти!..

Он встает и, подсев к мальчику на нары, вполголоса и, как я понимаю, не в первый раз инструктирует его:

- ...В овраге держись самого края. Помни: весь низ минирован... Чаше прислушивайся. Замирай и прислушивайся!.. По траншеям ходят патрули, значит, подползешь и выжидай!.. Как патруль пройдет - через траншею и двигай дальше...

Я звоню командиру пятой роты Гущину и, сообщив ему, что он остается за меня, отдаю необходимые распоряжения. Положив трубку, я снова слышу тихий голос Холина:

- ...будешь ждать в Федоровке... На рожон не лезь! Главное, будь осторожен!

- Ты думаешь, это просто - быть осторожным? - с едва уловимым

раздражением спрашивает мальчик.

- Знаю! Но ты будь! И помни всегда: ты не один! Помни: где бы ты ни был, я все время думаю о тебе. И подполковник тоже...

- А Катасоныч уехал и не зашел, - с чисто детской непоследовательностью говорит мальчик обидчиво.

- Я же тебе сказал: он не мог! Его вызвали по тревоге. Иначе бы... Ты ведь знаешь, как он тебя любит! Ты же знаешь, что у него никого нет и ты ему дороже всех! Ведь знаешь?

- Знаю, - шмыгнув носом, соглашается мальчик, голос его дрожит. - Но все же мог забежать...

Холин прилег рядом с ним, гладит рукой его мягкие льняные волосы и что-то шепчет ему. Я стараюсь не прислушиваться. Обнаруживается, что у меня множество дел, я торопливо суечусь, но толком делать что-либо не в состоянии и, плюнув на все, сажусь писать письмо матери: я знаю, что разведчики перед уходом на задание пишут письма родным и близким. Однако я нервничаю, мысли разбегаются, и, написав карандашом с полстранички, я все рву и бросаю в печку.

- Время, - взглянув на часы, говорит мне Холин и поднимается. Поставив на лавку трофейный чемодан, он вытаскивает из-под нар узел, развязывает его, и мы с ним начинаем одеваться.

Поверх бязевого белья он надевает тонкие шерстяные кальсоны и свитер, затем зимнюю гимнастерку и шаровары и облачается в зеленый маскхалат.

Поглядывая на него, я одеваюсь так же. Шерстяные кальсоны Катасонова мне малы, они трещат в паху, и я в нерешимости смотрю на Холина.

- Ничего, ничего, - ободряет он. - Смелей! Порвешь - новые выпишем.

Маскхалат мне почти впору, правда, брюки несколько коротки. На ноги мы надеваем немецкие кованые сапоги; они тяжеловаты и непривычны, но это, как поясняет Холин, предосторожность: чтобы «не наследить» на том берегу. Холин сам завязывает шнурки моего маскхалата.

Вскоре мы готовы: финки и гранаты Ф-1 подвешены к поясным ремням (Холин берет еще увесистую противотанковую - РПГ-40); пистолеты с патронами, загнанными в патронники, сунуты за пазуху; прикрытые рукавами маскхалатов, надеты компасы и часы со светящимися циферблатами; ракетницы осмотрены, и Холин проверяет крепление дисков в автоматах.

Мы уже готовы, а мальчик все лежит, заложив ладони под голову и не глядя в нашу сторону.

Из большого немецкого чемодана уже извлечены порыжелый изодранный мальчиковый пиджак на вате и темно-серые, с заплатами штаны, потертая шапка-ушанка и невзрачные на вид подростковые сапоги. На краю нар разложены холщовое исподнее белье, старенькие, все штопаные фуфайка и шерстяные носки,

маленькая засаленная заплечная котомка, портянки и какие-то тряпки.

В кусок рядна Холин заворачивает продукты мальчику: небольшой - с полкилограмма - круг колбасы, два кусочка сала, краюху и несколько черствых ломтей ржаного и пшеничного хлеба. Колбаса домашнего приготовления, и сало не наше армейское, а неровное, худосочное, серовато-темное от грязной соли да и хлеб не формовый, а подовый - из хозяйской печки.

Я гляжу и думаю: как все предусмотрено, каждая мелочь...

Продукты уложены в котомку, а мальчик все лежит не шевелясь, и Холин, взглянув на него украдкой, не говоря ни слова, принимается осматривать ракетницу и снова проверяет крепление диска.

Наконец мальчик садится на нарах и неторопливыми движениями начинает снимать свое военное обмундирование. Темно-синие шаровары запачканы на коленках и сзади.

- Смола, - говорит он. - Пусть отчистят.

- А может, их на склад и выписать новые? - предлагает Холин.

- Нет, пусть эти почистят.

Мальчик не спеша облачается в гражданскую одежду. Холин помогает ему, затем осматривает его со всех сторон. И я смотрю: ни дать ни взять бездомный отрпещ, мальчишка-беженец, каких немало встречалось нам на дорогах наступления.

В карманы мальчик прячет самодельный складной ножик и затертые бумажки:

шестьдесят или семьдесят немецких оккупационных марок. И все.

- Попрыгали, - говорит мне Холин; проверяясь, мы несколько раз подпрыгиваем. И мальчик тоже, хотя что у него может зашуметь?

По старинному русскому обычаю мы садимся и сидим некоторое время молча.

На лице у мальчика снова то выражение недетской сосредоточенности и внутреннего напряжения, как и шесть дней назад, когда он впервые появился у меня в землянке.

Облучив глаза красным светом сигнальных фонариков (чтобы лучше видеть в темноте), мы идем к лодке: я впереди, мальчик шагах в пятнадцати сзади меня, еще дальше Холин.

Я должен окликнуть и заговорить каждого, кто нам встретится на тропе, чтобы мальчик в это время спрятался: никто, кроме нас, не должен его теперь видеть - Холин самым решительным образом предупредил меня об этом.

Справа из темноты доносятся негромкие слова команды: «Расчеты - по местам!.. К бою!..» Трещат кусты, и слышится матерный шепот - расчеты изготавливаются у орудий и минометов, разбросанных по подлеску в боевых порядках моего и третьего батальонов.

В операции, кроме нас, участвуют около двухсот человек. Они готовы в

любое мгновение прикрыть нас, шквалом огня обрушившись на позиции немцев.

И никто из них не подозревает, что проводится вовсе не поиск, как был вынужден сказать Холин командирам поддерживающих подразделений.

Невдалеке от лодки находится пост охранения. Он был парный, но до указания Холина я приказал командиру охранения оставить в окопе только одного - немолодого толкового ефрейтора Демина. Когда мы приближаемся к берегу, Холин предлагает мне пойти заговорить ефрейтора - тем временем он с мальчиком незаметно проскользнет к лодке. Все эти предосторожности, на мой взгляд, излишни, но конспиративность Холина меня не удивляет: я знаю, что не только он - все разведчики таковы. Я отправляюсь вперед.

- Только без комментариев! - внушительным шепотом предупреждает меня Холин. Эти предупреждения на каждом шагу мне уже надоели: я же не мальчик и сам соображаю, что к чему.

Демин, как и положено, на расстоянии окликает меня; отозвавшись, я подхожу, спрыгиваю в траншею и становлюсь так, чтобы он, обратившись ко мне, повернулся спиной к тропинке.

- Закуривай, - предлагаю я, достав папиросы и взяв одну себе, другую сую ему.

Мы присаживаемся на корточки, он чиркает отсыревшими спичками, наконец одна загорается, он подносит ее мне и прикуривает сам. В свете спички я замечаю, что в подбрустверной нише на слежавшемся сене кто-то спит, успеваю разглядеть странно знакомую пилотку с малиновым кантом. Жадно затянувшись, я, не сказав ни слова, включаю фонарик и вижу, что в нише - Катасонов. Он лежит на спине, лицо его прикрыто пилоткой. Я, еще не сообразив, приподнимаю ее - посеревшее, кроткое, как у кролика, лицо; над левым глазом маленькая аккуратная дырочка: входное пулевое отверстие...

- Глупо получилось-то, - тихо бормочет рядом со мной Демин, его голос доходит до меня будто издалека. - Наладили лодку, посидели со мной, покурили. Капитан стоял здесь, со мной говорил, а этот вылезать стал и только, значит, из окопа поднялся и тихо-тихо так вниз сползает. Да мы и выстрелов вроде не слышали... Капитан бросился к нему, трясет: «Капитоныч!.. Капи-тоныч!..» Глянули - а он наповал!.. Капитан приказал никому не говорить...

Так вот почему Холин показался мне несколько странным по возвращении с берега...

- Без комментариев! - слышится со стороны реки его повелительный шепот.

И я все понимаю: мальчик уходит на задание и расстраивать его теперь ни в коем случае нельзя - он ничего не должен знать.

Выбравшись из траншеи, я медленно спускаюсь к воде.

Мальчик уже в лодке, я усаживаюсь с ним на корме, взяв автомат

наизготовку.

- Садись ровнее, - шепчет Холин, накрывая нас плащ-палаткой. - Следи, чтобы не было крена!

Отведя нос лодки, он садится сам и разбирает весла. Посмотрев на часы, выжидает еще немного и негромко свистит: это сигнал начала операции.

Ему тотчас отвечают: справа из темноты, где в большом пулеметном окопе на фланге третьего батальона находятся командиры поддерживающих подразделений и артиллерийские наблюдатели, хлопает винтовочный выстрел.

Развернув лодку, Холин начинает грести - берег сразу исчезает. Мгла холодной ненастной ночи обнимает нас.

Я ощущаю на лице мерное горячее дыхание Холина. Он сильными гребками гонит лодку; слышно, как вода тихо всплескивает под ударами весел. Мальчик замер, притаясь под плащ-палаткой рядом со мной.

Впереди, на правом берегу, немцы, как обычно, постреливают и освещают ракетами передний край - вспышки не так яркие из-за дождя. И ветер в нашу сторону. Погода явно благоприятствует нам.

С нашего берега взлетает над рекой очередь трассирующих пуль. Такие трассы с левого фланга третьего батальона будут давать каждые пять - семь минут: они послужат нам ориентиром при возвращении на свой берег.

- Сахар! - шепчет Холин.

Мы кладем в рот по два кусочка сахара и старательно сосем их: это должно до предела повысить чувствительность наших глаз и нашего слуха.

Мы находимся, верно, уже где-то на середине плеса, когда впереди отрывисто стучит пулемет - пули свистят и, выбивая звонкие брызги, шлепают

по воде совсем неподалеку.

- МГ-34, - шепотом безошибочно определяет мальчик, доверчиво прижимаясь ко мне.

- Боишься?

- Немножко, - еле слышно признается он. - Никак не привыкну. Нервеность какая-то... И побираться - тоже никак не привыкну. Ух и тошно!

Я живо представляю, каково ему, гордому и самолюбивому, унижаться попрошайничая.

- Послушай, - вспомнив, шепчу я, - у нас в батальоне есть Бондарев. И тоже гомельский. Не родственник случаем?

- Нет. У меня нет родственников. Одна мать. И та не знаю, где сейчас...

- Голос его дрогнул. - И фамилия моя по правде Буслов, а не Бондарев.

- И зовут не Иван?

- Нет, звать Иваном. Это правильно.

- Тсс!..

Холин начинает грести тише, видимо, в ожидании берега. Я до боли в глазах всматриваюсь в темноту: кроме тусклых за пеленой дождя вспышек ракет, ничего не разглядишь.

Мы движемся еле-еле, еще миг, и днище цепляется за песок. Холин, проворно сложив весла, ступает через борт и, стоя в воде, быстро разворачивает лодку кормой к берегу.

Минуты две мы напряженно вслушиваемся. Слышно, как капли дождя мягко шлепают по воде, по земле, по уже намочшей плащ-палатке; я слышу ровное дыхание Холина и слышу, как бьется мое сердце. Но подозрительного - ни шума, ни говора, ни шороха - мы уловить не можем. И Холин дышит мне в самое ухо:

- Иван - на месте. А ты вылазь и держи...

Он ныряет в темноту. Я осторожно выбираюсь из-под плащ-палатки, ступаю в воду на прибрежный песок, поправляю автомат и беру лодку за корму. Я чувствую, что мальчик поднялся и стоит в лодке рядом со мной.

- Сядь. И накинь плащ-палатку, - ощупав его рукой, шепчу я.

- Теперь уж все равно, - отвечает он чуть слышно. Холин появляется неожиданно и, подойдя вплотную, Радостным шепотом сообщает:

- Порядок! Все подшито, прошнуровано...

Оказывается, те кусты у воды, в которых мы должны оставить лодку, всего шагах в тридцати ниже по течению.

Несколько минут спустя лодка спрятана, и мы, пригнувшись, крадемся вдоль берега, время от времени замирая и прислушиваясь. Когда ракета вспыхивает неподалеку, мы падаем на песок под уступом и лежим неподвижно, как мертвые. Уголком глаза я вижу мальчика - одежда его потемнела от дождя.

Мы с Холиным вернемся и переоденемся, а он...

Холин вдруг замедляет шаг и, взяв мальчика за руку, ступает правее по воде. Впереди на песке что-то светлеет. «Трупы наших разведчиков»,

- догадываюсь я.

- Что это? - чуть слышно спрашивает мальчик.

- Фрицы, - быстро шепчет Холин и увлекает его вперед. - Это снайпер с нашего берега.

- Ух, гады! Даже своих раздевают, - с ненавистью бормочет мальчик, оглядываясь.

Мне кажется, что мы двигаемся целую вечность и уже давно должны дойти.

Однако я припоминаю, что от кустов, где спрятана лодка, до этих трупов триста с чем-то метров. А до оврага нужно пройти еще примерно столько же.

Вскоре мы минуем еще один труп. Он совсем разложился - тошнотворный

запах чувствуется на расстоянии. С левого берега, врезаясь в дождливое небо у нас за спиной, снова уходит трасса. Овраг где-то близко; но мы его не увидим: он не освещается ракетами, верно, потому, что весь низ его

минирован, а края окаймлены сплошными траншеями и патрулируются. Немцы, по-видимому, уверены, что здесь никто не сунется.

Этот овраг - хорошая ловушка для того, кого в нем обнаружат. И весь расчет на то, что мальчик проскользнет незамеченным.

Холин наконец останавливается и, сделав нам знак присесть, сам уходит вперед.

Скоро он возвращается и еле слышно командует:

- За мной!

Мы перемещаемся вперед еще шагов на тридцать и присаживаемся на корточки за уступом.

- Овраг перед нами, прямо! - Отогнув рукав маскхалата, Холин смотрит на светящийся циферблат и шепчет мальчику: - В нашем распоряжении еще четыре минуты. Как самочувствие?

- Порядок.

Некоторое время мы прослушиваем темноту. Пахнет трупом и сыростью. Один из трупов - он заметен на песке метрах в трех вправо от нас, - очевидно, и служит Холину ориентиром.

- Ну, я пойду, - чуть слышно говорит мальчик.

- Я провожу тебя, - вдруг шепчет Холин. - По оврагу. Хотя бы немного. Это уже не по плану!

- Нет! - возражает мальчик. - Пойду один! Ты большой - с тобой застукают.

- Может, мне пойти? - предлагаю я нерешительно.

- Хоть по оврагу, - спрашивает Холин шепотом. - Там глина - наследись. Я пронесу тебя!

- Я сказал! - упрямо и зло заявляет мальчик. - Я сам!

Он стоит рядом со мной, маленький, худенький, и, как мне кажется, весь дрожит в своей старенькой одежке. А может, мне только кажется...

- До встречи, - помедлив, шепчет он Холину.

- До встречи! - Я чувствую, что они обнимаются и Холин целует его. - Главное, будь осторожен! Береги себя! Если мы двинемся - ожидай в Федоровке!

- До встречи, - обращается мальчик уже ко мне.

- До свидания! - с волнением шепчу я, отыскивая в темноте его маленькую узкую ладошку и крепко сжимая ее. Я ощущаю желание поцеловать его, но сразу не решаюсь. Я страшно волнуюсь в эту минуту. Перед этим я раз десять повторяю про себя: «До свидания!», чтобы не ляпнуть, как шесть дней назад: «Прощай!»

И прежде чем я решаюсь поцеловать его, он неслышно исчезает во тьме.

Мы с Холиным притаились, присев на корточки вплотную к уступу, так, что край его приходился над нашими головами, и настороженно прислушивались.

Дождь сыпал мерно и неторопливо, холодный, осенний дождь, которому, казалось, и конца не будет. От воды тянуло мозглой сыростью.

Прошло минуты четыре, как мы остались одни, и с той стороны, куда ушел мальчик, слышались шаги и тихий невнятный гортанный говор.

«Немцы!..»

Холин сжал мне плечо, но меня не нужно было предупреждать - я, может, раньше его расслышал и, сдвинув на автомате шишечку предохранителя, весь оцепенел с гранатой, зажатой в руке.

Шаги приближались. Теперь можно было различить, как грязь хлюпала под ногами нескольких человек. Во рту у меня пересохло, сердце колотилось как бешеное.

- Verfluchtes Wetter! Hohl es der Teufel...

- Halte's Maul, Otto!.. Links halten!{4}..

Они прошли совсем рядом, так что брызги холодной грязи попали мне на лицо. Спустя мгновения при вспышке ракеты мы в реденькой пелене дождя разглядели их, рослых (может, мне так показалось потому, что я смотрел на них снизу), в касках с подшлемниками и в точно таких же, как на нас с Холиным, сапогах с широкими голенищами. Трое были в плащ-палатках, четвертый - в блестящем от дождя длинном плаще, стянутом в поясе ремнем с кобурой.

Автоматы висели у них на груди.

Их было четверо - дозор охранения полка СС, боевой дозор германской армии, мимо которого только что проскользнул Иван Буслов, двенадцатилетний мальчишка из Гомеля, значившийся в наших разведдокументах под фамилией «Бондарев».

Когда при дрожащем свете ракеты мы их увидели, они, остановившись, собирались спуститься к воде шагах в десяти от нас. Было слышно, как в темноте они попрыгали на песок и направились в сторону кустов, где была спрятана наша лодка.

Мне было труднее, чем Холину. Я не был разведчиком, воевал же с первых

месяцев войны, и при виде врагов, живых и с оружием, мною вмиг овладело привычное, много раз испытанное возбуждение бойца в момент схватки. Я ощутил желание, вернее, жажду, потребность, необходимость немедленно убить их! Я завалю их как миленьких, одной очередью! «Убить их!» - я, верно, ни о чем больше не думал, вскинув и доворачивая автомат. Но за меня думал

Холин. Почувствовав мое движение, он, словно тисками, сжал мне предплечье - опомнившись, я опустил автомат.

- Они заметят лодку! - растирая предплечье, прошептал я, как только шаги удалились. Холин молчал.

- Надо что-то делать, - после короткой паузы снова зашептал я встревоженно. - Если они обнаружат лодку...

- Если!.. - в бешенстве выдохнул мне в лицо Холин. Я почувствовал, что

он способен меня задушить. - А если застукают мальчишку?! Ты что же, думаешь

оставить его одного?.. Ты что: шкура, сволочь или просто дурак?..

- Дурак, - подумав, прошептал я.

- Наверно, ты неврастеник, - произнес Холин раздумчиво. - Кончится война - придется лечиться...

Я напряженно прислушивался, каждое мгновение ожидая услышать возгласы немцев, обнаруживших нашу лодку. Левее отрывисто простучал пулемет, за ним - другой, прямо над нами, и снова в тишине слышался мерный шум дождя. Ракеты взлетали то там, то там по всей линии берега, вспыхивая, искрились, шипели и гасли, не успев долететь до земли.

Тошнотный трупный запах отчего-то усилился. Я отплевывался и старался дышать через рот, но это мало помогало.

Мне мучительно хотелось закурить. Еще никогда в жизни мне так не хотелось курить. Но единственно, что я мог, - вытащить папиросу и нюхать ее, разминая пальцами.

Мы вскоре вымокли и дрожали от холода, а дождь все не унимался.

- В овраге глина, будь она проклята! - вдруг зашептал Холин. - Сейчас бы хороший ливень, чтоб смыл все...

Мыслями он все время был с мальчиком, и глинистый овраг, где следы хорошо сохраняются, беспокоил его. Я понимал, сколь основательно его беспокоило: если немцы обнаружат свежие, необычно маленькие следы, Идущие от берега через передовую, за Иваном наверняка будет снаряжена погоня. Быть может, с собаками. Где-где, а в полках СС достаточно собак, выученных для охоты на людей.

Я уже жевал папиросу. Приятного в этом было мало, но я жевал. Холин, верно, услышав, поинтересовался:

- Ты что это?

- Курить хочу - умираю! - вздохнул я.

- А к мамке не хочется? - спросил Холин язвительно. - Мне вот лично к мамке хочется! Неплохо бы, а?

Мы выжидали еще минут двадцать, мокрые, дрожа от холода и вслушиваясь.

Рубашка ледяным компрессом облегла спину. Дождь постепенно сменился снегом, - мягкие, мокрые хлопья падали, белой пеленой покрывая песок, и неохотно таяли.

- Ну, кажется, прошел, - наконец облегченно вздохнул Холин и приподнялся.

Пригибаясь и держась близ самого уступа, мы двинулись к лодке, то и дело останавливаясь, замирали и прислушивались. Я был почти уверен, что немцы обнаружили лодку и устроили в кустах засаду. Но сказать об этом Холину не решался: я боялся, что он осмеет меня.

Мы крались во тьме вдоль берега, пока не наткнулись на трупы наших

разведчиков. Мы сделали от них не более пяти шагов, как Холин остановился и, притянув меня к себе за рукав, зашептал мне в ухо:

- Останешься здесь. А я пойду за лодкой. Чтоб случ-чего не всыпаться обоим. Подплыву - окликнешь меня по-немецки. Тихо-тихо!.. Если же я нарвусь, будет шум - плыви на тот берег. И если через час не вернусь - тоже плыви. Ты ведь можешь пять раз сплавать туда и обратно? - сказал он насмешливо.

- Могу, - подтвердил я дрожащим голосом. - А если тебя ранят?

- Не твоя забота. Поменьше рассуждай.

- К лодке подойти лучше не берегом, а подплыть со стороны реки, - заметил я не совсем уверенно. - Я смогу, давай...

- Я, может, так и сделаю... А ты случ-чего не вздумай рыпаться! Если с тобой что случится, нас взгреют по первое число. Вник?

- Да. А если...

- Без всяких «если»!.. Хороший ты парень, Гальцев, - вдруг прошептал Холин, - но неврастеник. А это в нашем деле самая страшная вещь...

Он ушел в темноту, а я остался ждать. Не знаю, сколько длилось это мучительное ожидание: я так замерз и так волновался, что даже не сообразил

взглянуть на часы. Стараясь не произвести и малейшего шума, я усиленно двигал руками и приседал, чтоб хоть немного согреться. Время от времени я замирал и прислушивался.

Наконец, уловив еле различимый плеск воды, я приложил ладони рупором ко рту и зашептал:

- Хальт... Хальт...

- Тихо, черт! Иди сюда...

Осторожно ступая, я сделал несколько шагов, и холодная вода залилась в сапоги, ледяными объятиями охватив мои ноги.

- Как там у оврага, тихо? - прежде всего поинтересовался Холин.

- Тихо.

- Вот видишь, а ты боялась! - прошептал он, довольный. - Садись с кормы, - взяв у меня автомат, скомандовал он и, как только я влез в лодку, принялся грести, забирая против течения.

Усевшись на корме, я стянул сапоги и вылил из них воду.

Снег валил мохнатыми хлопьями и таял, чуть коснувшись реки. С левого берега снова дали трассу. Она прошла прямо над нами; надо было поворачивать,

а Холин продолжал гнать лодку вверх по течению.

- Ты куда? - спросил я, не понимая.

Не отвечая, он энергично работал веслами.

- Куда мы плывем?

- На вот, погрейся! - оставив весла, он сунул мне в руку маленькую

плоскую фляжечку. Закоченевшими пальцами с трудом свинтив колпачок, я глотнул - водка приятным жаром обожгла мне горло, внутри сделалось тепло, но дрожь по-прежнему была меня.

- Пей до дна! - прошептал Холин, чуть двигая веслами.

- А ты?

- Я выпью на берегу. Угостишь?

Я глотнул еще и, с сожалением убедившись, что во фляжечке ничего нет, сунул ее в карман.

- А вдруг он еще не прошел? - неожиданно сказал Холин. - Вдруг лежит, выжидает... Как бы я хотел быть сейчас с ним!..

И мне стало ясно, почему мы не возвращаемся. Мы находились против оврага, чтобы «случ-чего» снова высадиться на вражеском берегу и прийти на помощь мальчишке. А оттуда, из темноты, то и дело сыпали по реке длинными очередями. У меня мурашки бегали по телу, когда пули свистели и шлепали по воде рядом с лодкой. В такой мгле, за широкой завесой мокрого снега обнаружить нас было, наверно, невозможно, но это чертовски неприятно - находиться под обстрелом на воде, на открытом месте, где не зароешься в землю и нет ничего, за чем можно было бы укрыться. Холин же, подбадривая, шептал:

- От таких глупых пуль может сгинуть только дурак или трус! Учти!..

Катасонов был не дурак и не трус. Я в этом не сомневался, но Холину ничего не сказал.

- А фельдшерица у тебя ничего! - немного погодя вспомнил он, очевидно, желая как-то меня отвлечь.

- Ни-че-го, - выбивая дробь зубами, согласился я, менее всего думая о фельдшерице; мне представилась теплая землянка медпункта и печка. Чудесная чугунная печка!..

С левого, бесконечно желанного берега еще три раза давали трассу. Она звала нас вернуться, а мы все болтались на воде ближе к правому берегу.

- Ну, вроде прошел, - наконец сказал Холин и, задев меня вальком, сильным движением весел повернул лодку.

Он удивительно ориентировался и выдерживал направление в темноте. Мы подплыли неподалеку от большого пулеметного окопа на правом фланге моего батальона, где находился командир взвода охранения.

Нас ожидали и сразу окликнули тихо, но властно: «Стой! Кто идет?..» Я назвал пароль - меня узнали по голосу, и через мгновение мы ступили на берег.

Я был совершенно измучен и, хотя выпил грамм двести водки, по-прежнему дрожал и еле передвигал закоченевшими ногами. Стараясь не стучать зубами, я приказал вытащить и замаскировать лодку, и мы двинулись по берегу, сопровождаемые командиром отделения Зуевым, моим любимцем, несколько развязным, но бесшабашной смелости сержантом. Он шел впереди.

- Товарищ старший лейтенант, а язык где же? - оборачиваясь, вдруг весело спросил он.

- Какой язык?

- Так, говорят, вы за языком отправились.

Шедший сзади Холин, оттолкнув меня, шагнул к Зуеву.

- Язык у тебя во рту! Вник? - сказал он резко, отчетливо выговаривая каждое слово. Мне показалось, что он опустил свою увесистую руку на плечо Зуеву, а может, даже взял его за ворот: этот Холин был слишком прям и вспыльчив - он мог так сделать. - Язык у тебя во рту! - угрожающе повторил он. - И держи его за зубами! Тебе же лучше будет!.. А теперь возвращайтесь на пост!..

Как только Зуев остался в нескольких шагах позади, Холин объявил строго и нарочито громко:

- Трепачи у тебя в батальоне, Гальцев! А это в нашем деле самая страшная вещь...

В темноте он взял меня под руку и, сжав ее у локтя, насмешливо прошептал:

- А ты тоже штучка! Бросил батальон, а сам на тот берег за языком! Охотничек!

В землянке, живо растопив печку дополнительными минометными зарядами, мы разделись догола и растерлись полотенцем.

Переодевшись в сухое белье, Холин накинул поверх шинель, уселся к столу и, разложив перед собой карту, сосредоточенно рассматривал ее. Очутившись в землянке, он сразу как-то сник, вид у него был усталый и озабоченный.

Я подал на стол банку тушенки, сало, котелок с солеными огурцами, хлеб, ряженку и флягу с водкой.

- Эх, если бы знать, что сейчас с ним! - воскликнул вдруг Холин, поднимаясь. - И в чем там дело?

- Что такое?

- Этот патруль - на том берегу - должен был пройти на полчаса позже. Понимаешь?.. Значит, или немцы сменили режим охранения, или мы что-то напутали - мальчишка в любом случае может поплатиться жизнью. У нас же все было рассчитано по минутам.

- Но ведь он прошел. Мы сколько выжидали - не меньше часа - и все было тихо.

- Что прошел? - спросил Холин с раздражением. - Если хочешь знать, ему нужно пройти более пятидесяти километров. Из них около двадцати он должен сделать до рассвета. И на каждом шагу можно напороться. А сколько всяких случайностей!.. Ну ладно, разговорами не поможешь!.. - Он убрал карту со стола. - Давай!

Я налил водки в две кружки.

- Чокаться не будем, - взяв одну, предупредил Холин.

Подняв кружки, мы сидели несколько мгновений в безмолвии.

- Эх, Катасоныч, Катасоныч... - вздохнул Холин, насупившись, и срывающимся голосом проговорил: - Тебе-то что! А мне он жизнь спас...

Он выпил залпом и, нюхая кусок черного хлеба, потребовал:

- Еще!

Выпив сам, я налил по второму разу: себе немного, а ему до краев. Взяв кружку, он повернулся к нарам, где стоял чемодан с вещами мальчика, и негромко произнес:

- За то, чтоб ты вернулся и больше не уходил. За твое будущее!

Мы чокнулись и, выпив, принялись закусывать. Несомненно, в эту минуту мы оба думали о мальчишке. Печка, став по бокам и сверху оранжево-красной, дышала жаром. Мы вернулись и сидим в тепле и в безопасности. А он где-то во вражеском расположении крадется сквозь снег и мглу бок о бок со смертью...

Я никогда не испытывал особой любви к детям, но этот мальчишка - хотя я встречался с ним всего лишь два раза - был мне так близок и дорог, что я не мог без щемящего сердце волнения думать о нем.

Пить я больше не стал. Холин же без всяких тостов молча хватил третью кружку. Вскоре он опьянел и сидел сумрачный, угрюмо поглядывая на меня покрасневшими, возбужденными глазами.

- Третий год воюешь?.. - спросил он, закуривая. - И я третий... А в глаза смерти - как Иван! - мы, может, и не заглядывали... За тобой батальон, полк, целая армия... А он один! - внезапно раздражаясь, выкрикнул Холин. - Ребенок!.. И ты ему еще ножа вонючего пожалел!

«Пожалел!..» Нет, я не мог, не имел права отдать кому бы то ни было этот нож, единственную память о погибшем друге, единственно уцелевшую его личную вещь.

Но слово я сдержал. В дивизионной артмастерской был слесарь-умелец, пожилой сержант с Урала. Весной он выточил рукоятку Котькиного ножа, теперь я попросил его изготовить точно такую же и поставить на новенькую десантную финку, которую я ему передал. Я не только просил, я привез ему ящичек трофейных слесарных инструментов - тисочки, сверла, зубила, - мне они были не нужны, он же им обрадовался, как ребенок.

Рукоятку он сделал на совесть - финки можно было различить, пожалуй, лишь по зазубринкам на Котькиной и выгравированным на шишечке ее рукоятки инициалам «К.Х.». Я уже представлял себе, как обрадуется мальчишка, заимев настоящий десантный нож с такой красивой рукояткой; я

понимал его: я ведь и сам не так давно был подростком.

Эту новую финку я носил на ремне, рассчитывая при первой же встрече с Холиным или с подполковником Грязновым передать им: глупо было бы полагать, что мне самому доведется встретиться с Иваном. Где-то он теперь? - я и представить себе не мог, не раз вспоминая его.

А дни были горячие: дивизии нашей армии форсировали Днепр и, как сообщалось в сводках Информбюро, «вели успешные бои по расширению

плацдарма на правом берегу...».

Финкой я почти не пользовался; правда, однажды в Рукопашной схватке я пустил ее в ход, и, если бы не она, толстый, грузный ефрейтор из Гамбурга, наверное, рассадил бы мне лопаткой голову.

Немцы сопротивлялись отчаянно. После восьми дней тяжелых наступательных боев мы получили приказ занять оборону, и тут-то в начале ноября, в ясный холодный день, перед самым праздником, я встретился с подполковником Грязновым.

Среднего роста, с крупной, посаженной на плотное туловище головой, в шинели и в шапке-ушанке, он расхаживал вдоль обочины большака, чуть волоча правую ногу - она была перебита еще в финскую кампанию. Я узнал его издали, сразу как вышел на опушку рощи, где располагались остатки моего батальона. «Моего» - я мог теперь говорить так со всем основанием: перед форсированием меня утвердили в должности командира батальона.

В роще, где мы расположились, было тихо, поседевшие от инея листья покрывали землю, пахло пометом и конской мочой. На этом участке входил в прорыв гвардейский казачий корпус, и в роще казаки делали привал. Запахи лошади и коровы с детских лет ассоциируются у меня с запахом парного молока и горячего, только вынутого из печки хлеба. Вот и сейчас мне вспомнилась родная деревня, где в детстве каждое лето я жила у бабки, маленькой, сухонькой, без меры любившей меня старушки. Все это было вроде недавно, но представлялось мне теперь далеким-далеким и неповторимым, как и все довоенное...

Воспоминания детства кончились, как только я вышел на опушку. Большак был забит немецкими машинами, сожженными, подбитыми и просто брошенными; убитые немцы в различных позах валялись на дороге, в кюветах; серые бугорки трупов виднелись повсюду на изрытом траншеями поле. На дороге, метрах в пятидесяти от подполковника Грязнова, его шофер и лейтенант-переводчик возились в кузове немецкого штабного бронетранспортера. Еще четверо - я не мог разобрать их званий - лазали в траншеях по ту сторону большака.

Подполковник что-то им кричал - из-за ветра я не расслышал что.

При моем приближении Грязнов обернул ко мне изрытое оспинами, смуглое, мясистое лицо и грубоватым голосом воскликнул, не то удивляясь, не то обрадованно:

- Ты жив, Гальцев?!

- Жив! А куда я денусь? - улыбнулся я. - Здравия желаю!

- Здравствуй! Если жив, - здравствуй!

Я пожал протянутую мне руку, оглянулся и, убедившись, что, кроме Грязнова, меня никто не услышит, обратился:

- Товарищ подполковник, разрешите узнать: что Иван, вернулся?

- Иван?.. Какой Иван?

- Ну мальчик, Бондарев.

- А тебе-то что, вернулся он или нет? - недовольно спросил Грязнов и, нахмурясь, посмотрел на меня черными хитроватыми глазами.

- Я все-таки переправлял его, понимаете...

- Мало ли кто кого переправлял! Каждый должен знать то, что ему положено. Это закон для армии, а для разведки в особенности!

- Но я для дела ведь спрашиваю. Не по службе, личное... У меня к вам просьба. Я обещал ему подарить, - расстегнув шинель, я снял с ремня нож и протянул подполковнику. - Прошу, передайте. Как он хотел иметь его, вы бы только знали!

- Знаю, Гальцев, знаю, - вздохнул подполковник и, взяв финку, осмотрел ее. - Ничего. Но бывают лучше. У него этих ножей с десятков, не меньше. Целый сундучок собрал... Что поделаешь - страсть! Возраст такой. Известное дело - мальчишка!.. Что ж... если увижу, передам.

- Так он что... не вернулся? - в волнении проговорил я.

- Был. И ушел... Сам ушел...

- Как же так?

Подполковник насупился и помолчал, устремив свой взгляд куда-то вдаль.

Затем низким, глуховатым басом тихо сказал:

- Его отправляли в училище, и он было согласился. Утром должны были оформить документы, а ночью он ушел... И винить его не могу: я его понимаю.

Это долго объяснять, да и не к чему тебе...

Он обратил ко мне крупное рябое лицо, суровое и задумчивое.

- Ненависть в нем не перекипела. И нет ему покоя... Может, еще вернется, а скорей всего к партизанам уйдет... А ты о нем забудь и на будущее учти: о закордонниках спрашивать не следует. Чем меньше о них говорят и чем меньше людей о них знает, тем дольше они живут... Встретился ты с ним случайно, и знать тебе о нём - ты не обижайся - не положено! Так что впредь запомни: ничего не было, ты не знаешь никакого Бондарева, ничего не видел и не слышал. И никого ты не переправлял! А потому и спрашивать нечего. Вник?..

...И я больше не спрашивал. Да и спрашивать было некого. Холин вскоре погиб во время поиска: в предрассветной полутьме его разведгруппа напоролась на засаду немцев - пулеметной очередью Холину перебило ноги; приказав всем отходить, он залег и отстреливался до последнего, а когда его схватили, подорвал противотанковую гранату... Подполковник же Грязнов был переведен в другую армию, и больше я его не встречал.

Но забыть об Иване - как посоветовал мне подполковник, - я, понятно, не мог. И не раз вспоминая маленького разведчика, я никак не думал, что когда-нибудь встречу его или же узнаю что-либо о его судьбе.

В боях под Ковелем я был тяжело ранен и стал «ограниченно

годным»: меня разрешалось использовать лишь на нестроевых должностях в штабах соединений или же в службе тыла. Мне пришлось расстаться с батальоном и с родной дивизией. Последние полгода войны я работал переводчиком разведотдела корпуса на том же 1-м Белорусском фронте, но в другой армии.

Когда начались бои за Берлин, меня и еще двух офицеров командировали в одну из оперативных групп, созданных для захвата немецких архивов и документов.

Берлин капитулировал 2 мая в три часа дня. В эти исторические минуты наша опергруппа находилась в самом центре города, в полуразрушенном здании на Принц-Альбрехтштрассе, где совсем недавно располагалась «Гехайме-стаатс-полицай» - государственная тайная полиция.

Как и следовало ожидать, большинство документов немцы успели вывезти либо же уничтожили. Лишь в помещениях четвертого - верхнего - этажа были обнаружены невесть как уцелевшие шкафы с делами и огромная картотека. Об этом радостными криками из окон возвестили автоматчики, первыми ворвавшиеся в здание.

- Товарищ капитан, там во дворе в машине бумаги! - подбежав ко мне, доложил солдат, широкоплечий приземистый коротыш.

На огромном, усеянном камнями и обломками кирпичей дворе гестапо раньше помещался гараж на десятки, а может, на сотни автомашин; из них осталось несколько - поврежденных взрывами и неисправных. Я огляделся: бункер, трупы, воронки от бомб, в углу двора - саперы с миноискателем.

Невдалеке от ворот стоял высокий грузовик с газогенераторными колонками. Задний борт был откинут - в кузове из-под брезента виднелись труп офицера в черном эсэсовском мундире и увязанные в пачки толстые дела и папки.

Солдат неловко забрался в кузов и подтащил связки к самому краю. Я финкой взрезал эрзац-веревку.

Это были документы ГФП - тайной полевой полиции - группы армий «Центр», относились они к зиме 1943/44 года. Докладные о карательных «акциях» и агентурных разработках, розыскные требования и ориентировки, копии различных донесений и спецсообщений, они повествовали о героизме и малодушии, о расстрелянных и о мстителях, о пойманных и неуловимых. Для меня эти документы представляли особый интерес:

Мозырь и Петриков, Речица и Пинск - столь знакомые места Гомельщины и Полесья, где проходил наш фронт, - вставали передо мной.

В делах было немало учетных карточек - анкетных бланков с краткими установочными данными тех, кого искала, ловила и преследовала тайная полиция. К некоторым карточкам были приклеены фотографии.

- Кто это? - стоя в кузове, солдат, наклонясь, тыкал толстым коротким пальцем и спрашивал меня: - Товарищ капитан, кто это?

Не отвечая, я в каком-то оцепенении листал бумаги, просматривал папку

за папкой, не замечая мочившего нас дождя. Да, в этот величественный день нашей победы в Берлине моросил дождь, мелкий, холодный, и было пасмурно.

Лишь под вечер небо очистилось от туч и сквозь дым проглянуло солнце.

После десятидневного грохота ожесточенных боев воцарилась тишина, кое-где нарушаемая автоматными очередями. В центре города полыхали пожары, и если на окраинах, где много садов, буйный запах сирени забивал все остальные, то здесь пахло гарью; черный дым стелился над руинами.

- Несите все в здание! - наконец приказал я солдату, указывая на связки, и машинально открыл папку, которую держал в руке. Взглянул - и сердце мое сжалось: с фотографии, приклеенной к бланку, на меня смотрел Иван Буслов...

Я узнал его сразу по скуластому лицу и большим, широко расставленным глазам - я ни у кого не видел глаз, расставленных так широко.

Он смотрел исподлобья, сбывчась, как тогда, при нашей первой встрече в землянке на берегу Днепра. На левой щеке, ниже скулы, темнел кровоподтек.

Бланк с фотографией был не заполнен. С замирающим сердцем я перевернул его - снизу был подколот листок с машинописным текстом: копией спецсообщения начальника тайной полевой полиции 2-й немецкой армии.

«?..... гор. Лунинец.

26.12.43 г.

Секретно.

Начальнику полевой полиции группы «Центр»...

...21 декабря сего года в расположении 23-го армейского корпуса, в запретной зоне близ железной дороги, чином вспомогательной полиции Ефимом Титковым был замечен и после двухчасового наблюдения задержан русский, школьник 10 - 12 лет, лежавший в снегу и наблюдавший за движением эшелонов на участке Калинковичи - Клинск.

При задержании неизвестный (как установлено, местной жительнице Семиной Марии он назвал себя «Иваном») оказал яростное сопротивление, прокусил Титкову руку и только при помощи подросшего ефрейтора Винц был доставлен в полевую полицию...

...установлено, что «Иван» в течение нескольких суток находился в районе расположения 23-го корпуса... занимался нищенством... ночевал в заброшенной риге и сараях. Руки и пальцы ног у него оказались обмороженными и частично пораженными гангреной...

При обыске «Ивана» были найдены... в карманах носовой платок и 110 (сто десять) оккупационных марок. Никаких вещественных доказательств, уличавших бы его в принадлежности к партизанам или в шпионаже, не обнаружено... Особые приметы: посреди спины, на линии позвоночника, большое родимое пятно, над правой лопаткой - шрам касательного пулевого ранения...

Допрашиваемый тщательно и со всей строгостью в течение четырех суток майором фон Биссинг, обер-лейтенантом Кляммит и фельдфебелем Штамер «Иван» никаких показаний, способствовавших бы установлению его личности, а также выяснению мотивов его пребывания в запретной зоне и в расположении 23-го армейского корпуса, не дал.

На допросах держался вызывающе: не скрывал своего враждебного отношения к немецкой армии и Германской империи.

В соответствии с директивой Верховного командования вооруженными силами от 11 ноября 1942 года расстрелян 25.12.43 г. в 6.55.

...Титкову... выдано вознаграждение... 100 (сто) марок. Расписка прилагается...»

Октябрь - декабрь 1957 г

Примечания

{1} Дело, куда в батальоне подшиваются все приказы, распоряжения и приказания штаба полка.

{2} Проверка по «форме двадцать» - осмотр личного состава подразделения на вшивость.

{3} На театре военных действий тыл подразделений, частей и соединений носит название войскового тыла (или же тактического), а тыл армий и фронтов - оперативного тыла.

{4}- Проклятая погода! И какого черта...

- Придержи язык, Отто!.. Принять левее!. *(нем.)*